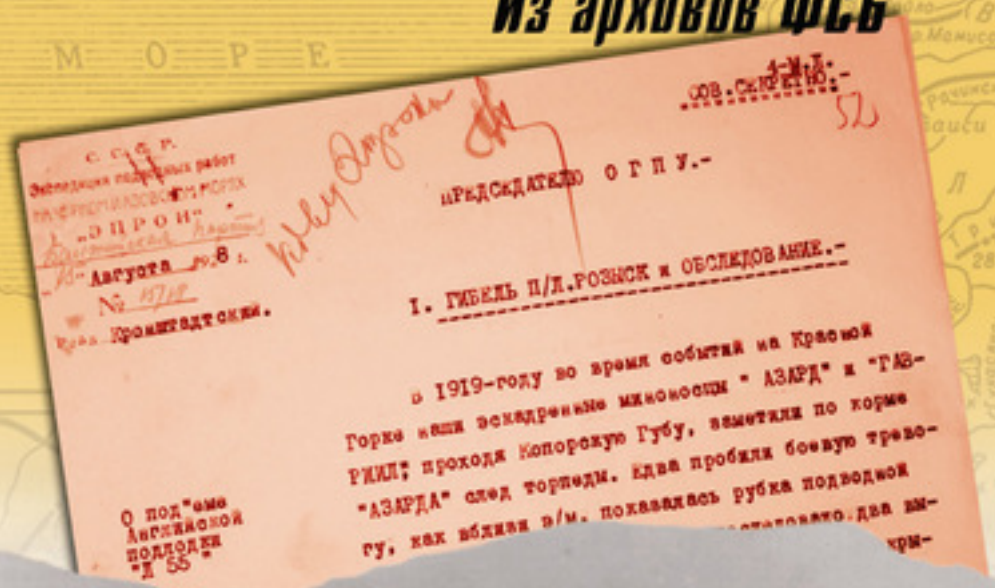
СЕКРЕТЫ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

Из архивов ФСБ



Александр Петрович Черепков
Василий Степанович Христофоров

Секреты Российского флота. Из архивов ФСБ

Серия «Военные тайны XX века»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653618
Секреты Российского флота. Из архивов ФСБ / В.С. Христофоров, А.П. Черепков.: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-2321-9,978-5-4444-8138-7

Аннотация

В этой книге на основе уникальных документов из архивов ФСБ рассказывается о самых таинственных событиях в истории Российского флота 1916–1945 гг. Читатель узнает новые подробности о гибели «Императрицы Марии», кронштадтских событиях, о противостоянии советской и немецкой морских разведок накануне и в годы Великой Отечественной войны и об участии морской пехоты в знаменитых операциях.

Книга проиллюстрирована архивными документами и рассчитана на самый широкий круг читателей.

Содержание

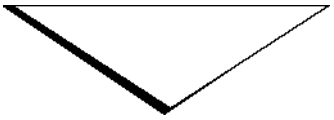
От авторов 5
Часть I 7
Постарайтесь убрать «Марию» 7
Кронштадт, 1921 год 14
Экспедиция подводных работ особого назначения при Особом отделе ОГПУ СССР (1923–1931 гг.) 35
Судьбы Русского флота 42
Русская эскадра в Бизерте: малоизвестные страницы истории 45
Судьба судов РОПиТА после окончания Гражданской войны 55
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Василий Христофоров, Александр Черепков Секреты Российского флота. Из архивов ФСБ

Работа выполнена в Российском государственном гуманитарном университете

Рекомендована к печати кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ

От авторов



Книга, которую вы сейчас держите в руках, содержит уникальную историческую информацию, которая еще совсем недавно была недоступна читателям, эти документы находилась в архивах с грифами «секретно», «совершенно секретно», «хранить вечно». И только после их рассекречивания и публикации в настоящей книге мы можем без купюр прочесть о многих героических и драматических страницах истории отечественного флота.

Надо ли говорить, что ныне наконец-то настало время, когда не только можно, но и нужно познавать наше прошлое по реальным документам и фактам. Разумеется, что в этом новом прочтении минувших событий в них окажется гораздо меньше пафоса и победных реляций, но зато там есть иное – правда истории. Именно ради поиска этой правды мы и изучаем прошлое нашего Отечества, именно ради этого мы читаем исторические книги, ищем и сопоставляем факты.

Использование документов органов безопасности при освещении исторических событий весьма существенно. В архивах ФСБ России содержится документальная информация политического, военного и разведывательного характера, что в ряде случаев позволяет оценить факты, события и явления на основе сведений, которые были получены оперативным путем с использованием специальных сил и средств, характерных для оперативно-розыскной работы. Разумеется, что такого рода информация при использовании и обобщении подлежит научной критике и должна рассматриваться в совокупности с источниками другого характера, в числе которых военные и войсковые архивы, документы высших инстанций страны.

В приказах, указаниях, донесениях, спецсообщениях, докладных записках и других документах советской контрразведки в большей степени представлены негативные стороны событий, критические высказывания и замечания действующих лиц, конфиденциальные мнения и точки зрения. Во многих случаях это простая констатация фактов, что требует дополнительного исторического осмысления. Открытое опубликование документов контрразведки требует осторожного подхода, взвешенности и тактичности с учетом государственных секретов, тайны личной жизни, а в ряде случаев и политической целесообразности.

Публикуемые в настоящем сборнике материалы расскажут вдумчивому читателю гораздо больше, чем пространные рассуждения на исторические темы.

Книга «Секреты Российского флота из архивов ФСБ» посвящена «белым пятнам» истории отечественного Военно-морского флота. Сейчас, когда Россия активно восстанавливает свою военно-морскую мощь, а ее боевые корабли снова вернулись на просторы Мирового океана, тема флотской истории становится как никогда актуальной. Книга является особенной еще и потому, что ее авторами являются сотрудники архивного управления ФСБ России, т. е. люди, имеющие непосредственный доступ к самым сокровенным тайнам прошлых эпох, которые нашли, обработали и обобщили уникальные материалы.

Первый раздел книги посвящен событиям 1916–1940 гг. прошлого столетия. Раздел открывается материалами, рассматривающими одну из версий гибели линкора «Императрица Мария». Прошло почти сто лет со дня гибели корабля, но до сих пор историков и специалистов интересует эта тема.

Новые документы из архивов ФСБ России дают возможность по-новому увидеть причины трагедии. Уникальные документы рассказывают историю создания и первых лет деятельности Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН), сформированной при Особом отделе ОГПУ. Первоначально Экспедиция занималась только поисками золота английского судна «Черный принц», затонувшего в 1854 г. на Черном море, но из года в год, набирая силу, стала основной отечественной организацией по подъему затонувших плавсредств, проведению аварийно-спасательных работ на всех водных акваториях нашей страны. Одновременно ЭПРОН стал общесоюзной школой подготовки водолазов.

Безусловный интерес представляют архивные документы о т. н. «Бизертском флоте». Попавшие после Гражданской войны в Бизерту, в Манилу и порты Европы русские суда оказались в тяжелой ситуации, и советское правительство делало все, чтобы их вернуть на родину. В публикуемых уникальных документах содержатся сведения о переговорах по возвращению Бизертской эскадры и флотилии Старка, данные о состоянии российских боевых кораблей и коммерческих судов, оказавшихся за границей.

Завершается первый раздел статьей, в которой на основе исследования авторами документов архивов ФСБ России о пребывании германских судов на советском Севере накануне Великой Отечественной войны даются ответы на вопросы, была ли немецкая база «Норд» в советском Заполярье.

Второй раздел книги посвящен различным событиям Великой Отечественной войны, и это не случайно, ведь скоро мы будем отмечать 70-ю годовщину Великой Победы. Среди материалов этого раздела безусловный интерес представляет хроника уничтожения в 1944 г. на Балтике немецкой подводной лодки U-250 и протоколы допроса ее командира. Для историков и исследователей существенное значение имеет публикация на страницах этой книги архивных документов, касающихся печально известного Таллинского перехода (1941), во время которого наш флот на Балтике понес самые значительные потери за время войны; полярных конвоев, в частности трагическая судьбы конвоя PQ-17; героической обороны Севастополя, где при поддержке кораблей Черноморского флота и береговой артиллерии сдерживали натиск врага наши сухопутные части; боев за Новороссийск. Впервые публикуются документы военной контрразведки о действиях частей морской пехоты в 1941–1942 гг., а также добытый советской разведкой у англичан документ о действиях в 1943 г. кораблей Северного флота.

Часть материалов уже была опубликована в период, начиная с 1994 г., в различных сборниках, журналах, в основном ведомственных, а также в газетах. Однако малотиражность этих изданий обусловила то, что результаты исследований, дающих объективную историю страны и отечественного флота, остаются неизвестными широким слоям населения. Это, в свою очередь, порождает мифы и даже фальсификации.

А потому пусть настоящее издание станет еще одним напоминанием всем нам о доблести и героизме наших отцов, дедов и прадедов, отстоявших независимость Родины. Не торопитесь перелистать страницы архивных документов, вчитайтесь в них, почувствуйте драматизм и героизм событий того нелегкого времени! Это наша правда, и наша с вами история!

Авторы выражают искреннюю благодарность всем, без чьей помощи было бы невозможно появление этой книги: О. Матвееву, А. Шишкину, Д. Хохлову, Р Лазуткину, Н. Кузнецову, А. Стахову, В. Шигину.

Часть I
Из истории флота (1916–1940 гг.)

Постарайтесь убрать «Марию» (одна из версий гибели линкора «Императрица Мария» в 1916 г.)

До сих пор умы историков и специалистов будоражит трагическая гибель в 1916 г. одного из сильнейших российских боевых судов – черноморского линейного корабля «Императрица Мария».

Тайну своей гибели линкор унес на дно Северной бухты Севастополя. Уже стали историей имена участников тех далеких событий.

Но никогда не иссякнет интерес к этому событию, до конца не изученному, и в котором не поставлена последняя точка. К сожалению, оставшиеся архивные документы так и не дают ответа на главный вопрос: что же случилось с «Марией»? Вот уже почти сто лет эта тайна заставляет историков, исследователей и просто энтузиастов истории флота искать документы, которые смогут пролить свет на эту трагедию.

Поэтому ценны любые, пусть отдельные, фрагменты архивных документов. Изменение общественно-политической обстановки в России позволило открыть более широкий доступ к отечественным архивам, в том числе и к архивным материалам органов безопасности.

В связи с событиями 7 октября 1916 г. нас очень заинтересовали некоторые материалы ГПУ Украины, поступившие в 1933 г. в ОГПУ СССР, в которых замелькали знакомые историкам фамилии: Верман, Сгибнев, Шеффер… Немного усилий, и были обнаружены хранящиеся ныне в Управлении службы безопасности Украины по Николаевской области архивные следственные дела на них.

Предоставляя имеющиеся у нас сведения, мы хотели бы одного: пусть они помогут историкам и исследователям в какой-то мере попробовать разобраться в причинах трагедии «Марии».

Кроме того, существенную помощь могут оказать и хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации документы Департамента полиции. Мы использовали самые яркие из них, понимая, что отдельные документы не дают полной ясности. Но все же имеющиеся у нас сведения в совокупности смогут, возможно, дать пищу для размышлений по одной из версий гибели линкора.

Корабли, как и люди, имеют свою судьбу. Одни из них, прожив долгую и славную жизнь и отслужив положенный срок, ушли в историю, другие, жизнь которых была скоротечна, подобно магниевой вспышке, след от своей недолгой, но яркой биографии оставили навсегда. Такова короткая боевая судьба линкора «Императрица Мария».

Рождение этого корабля приходится на период развития российского военного флота, когда возрождение отечественной морской мощи после трагедии Цусимы стало одной из главнейших задач.

Предшественники «Марии» – бригада линейных кораблей Балтиийского флота: «Севастополь», «Полтава», «Гангут» и «Петропавловск» – пример высокого уровня развития отечественного судостроения и мастерства корабелов.

Появление на Балтике мощной группировки современных боевых кораблей надежно защитило интересы России на этом театре военных действий.

Но оставался еще и Черноморский флот, в составе которого находились устаревшие линейные корабли (бывшие эскадренные броненосцы), которые по своим тактико-техническим данным уже не могли решить боевые задачи в соответствии с новыми условиями войны на море.

Решение об усилении Черноморского флота новыми линкорами было вызвано и намерением извечного противника России на юге – Турции – приобрести за границей три современных линейных корабля типа дредноут, что сразу же обеспечивало ей подавляющее превосходство на Черном море.

Чтобы сохранить паритет, морское ведомство России настояло на безотлагательном усилении Черноморского флота за счет ввода в строй новейших линкоров.

Предполагалось спустить на воду четыре линейных корабля, тактико-технические данные которых превосходили даже балтийские линкоры типа «Севастополь». После многочисленных конкурсов и экспертиз честь постройки первого линкора на Черном море была предоставлена судостроительному акционерному обществу «Руссуд» в г. Николаеве.

11 июня 1911 г. одновременно с церемонией официальной закладки новый корабль был зачислен в состав Российского императорского флота под названием «Императрица Мария».

В соответствии с контрактом его следовало спустить на воду в июле 1913 г., и этот срок был почти выдержан – «Мария» была спущена 6 октября 1913 г. Далее пошли достроечные работы. И вот 23 июня 1915 г., подняв флаги, «Императрица Мария» начала настоящую боевую флотскую жизнь.

Линкор имел водоизмещение 25 465 тонн, длина корабля составляла 168 метров, скорость 21 узел. «Мария» несла на борту двенадцать 305-миллиметровых орудий главного калибра, двадцать 130-миллиметровых орудий, имелись противоминная артиллерия и торпедные аппараты, корабль был хорошо бронирован.

К этому времени боевые действия на Черном море шли полным ходом. Реальную опасность для российского флота представляли прорвавшиеся через черноморские проливы германский линейный крейсер «Гебен» и всегда сопровождающий его легкий крейсер «Бреслау», переименованные турками, соответственно, в «Явуз Султан Селим» и «Мидилли». Прекрасные «ходоки» с мощным вооружением, они своими набегами доставляли много неприятностей нашим морякам.

Уже через несколько месяцев после прихода на главную базу в Севастополь «Мария» принимает активное участие в боевых операциях против германо-турецкого флота. На линкоре держит флаг командующий Черноморским флотом адмирал Александр Колчак. Залпы орудий главного калибра быстроходного линейного корабля, а также ввод в строй однотипного корабля «Екатерина Великая» положили конец наглым действиям германских крейсеров в черноморских водах.

Особенно возросла нагрузка на линкоры во второй половине 1916 г. Только за июнь – октябрь совершено 24 боевых похода. Это была тяжелая, но весьма эффективная служба. Боевая деятельность противника была скована действиями «Императрицы Марии» и «Екатерины Великой».

Но… ранним утром 7 октября 1916 г. в 00.20 на стоявшем в Северной бухте Севастополя линейном корабле «Императрица Мария» гремит взрыв. Затем в течение 48 минут – еще пятнадцать. Корабль начинает крениться на правый борт и, перевернувшись, тонет. Русский военный флот потерял в то утро 217 моряков и сильнейший боевой корабль.

Трагедия потрясла всю Россию. Выяснением причин гибели линкора занялась комиссия Морского министерства, которую возглавил боевой офицер, член Адмиралтейств-совета адмирал Н.М. Яковлев. В годы Русско-японской войны он командовал броненосцем «Петропавловск» и находился на командирском мостике броненосца, который ушел на дно после взрыва на японской мине вместе с адмиралом С.О. Макаровым и штабом 1-й Тихоокеанской эскадры. Сам капитан судна был выброшен взрывной волной с мостика и подобран шлюпкой, посланной с одного из крейсеров эскадры для спасения экипажа «Петропавловска». Членом комиссии был и известный кораблестроитель, член Российской академии наук А.Н. Крылов, который стал автором заключения, одобренного всеми членами комиссии. В ходе проведенного расследования были представлены три версии гибели линкора. 1. Самовозгорание пороха. 2. Небрежность в обращении с огнем или порохом. 3. Злой умысел.

Однако после рассмотрения всех трех версий комиссия заключила, что «прийти к точному и доказательно обоснованному выводу не представляется возможным, приходится лишь оценивать вероятность этих предположений, сопоставляя выяснившиеся при следствии обстоятельства».

Из возможных версий две первые комиссия в принципе не исключала. Что касается злого умысла, то даже установив ряд нарушений в правилах доступа к артиллерийским погребам и недостаток контроля за находившимися на корабле рабочими-ремонтниками, комиссия посчитала эту версию маловероятной.

Возможность злого умысла не подтверждал и адмирал А.В. Колчак, который уже спустя 15 минут после начала пожара прибыл на обреченный корабль. В своих показаниях после ареста Чрезвычайной следственной комиссией 24 января 1920 г. Колчак заявил: «Насколько следствие (комиссия морского министерства. – *Примеч. авт.)* могло выяснить, насколько это было ясно из всей обстановки, я считал, что злого умысла здесь не было.

Подобных взрывов произошел целый ряд за границей во время войны – в Италии, Германии, Англии. Я приписывал это совершенно непредусмотренным процессам в массах новых порохов, которые заготовлялись во время войны… Другой причиной могла явиться какая-нибудь неосторожность, которой, впрочем, не предполагаю. Во всяком случае, никаких данных, что это злой умысел, не было».

Иначе говоря, ни одна из выдвинутых комиссией версий не нашла достаточного фактического подтверждения.

Расследованием причин гибели «Императрицы Марии» также занимались тесно связанные в силу специфики своей деятельности и одновременно остро между собой конкурировавшие Севастопольское жандармское управление, возглавляемое полковником Редловым, и созданное по инициативе моряков в конце 1915 г. при штабе командующего Черноморским флотом самостоятельное контрразведывательное отделение, начальником которого был прикомандированный к Севастопольскому жандармскому управлению ротмистр Автамонов. Вместе с возложенной на отделение задачей по борьбе с «иностранным соглядатайством» в его ведение перешла и специальная агентура, которая содержалась до этого Севастопольским жандармским управлением на средства, выделяемые командованием Черноморского флота.

Сразу же после гибели линкора жандармское управление в Севастополе развертывает бурную деятельность – производятся обыски на квартирах и аресты 47-ми подозреваемых в причастности к взрыву лиц.

Через неделю после трагических событий Редлов, используя поступившие к нему от агентуры данные, в письме на имя начальника штаба командующего Черноморским флотом приводит возможные версии причин взрыва, не исключая при этом, что корабль был взорван шпионами. «В матросской среде, – пишет он, – определенно держится слух о том, что взрыв был произведен злоумышленниками с целью не только уничтожить корабль, но

и убить командующего Черноморским флотом, который своими действиями за последнее время, а особенно тем, что разбросал мины у Босфора, окончательно прекратил разбойничьи набеги турецко-германских крейсеров на побережье Черного моря, кроме того, он своими энергичными действиями в этом направлении вызвал недовольство в командном составе, особенно у лиц с немецкими фамилиями, которые при бывшем командующем флотом (адмирале Эбергарде. – *Примеч. авт.*) абсолютно ничего не делали».

Однако ни одна из выдвинутых жандармами версий не набрала впоследствии достаточного количества фактов. Ход расследования осложнялся также и взаимными препирательствами между жандармским управлением Севастополя и контрразведывательным отделением штаба Черноморского флота, которому было поручено расследовать причины этого взрыва.

Подоплека препирательств, очевидно, заключалась в том, что созданное в ходе войны контрразведывательное отделение полностью оттеснило от ведения дел по шпионажу жандармское управление. В письме директору департамента полиции Редлов, резко отрицательно отзываясь о деятельности начальника севастопольской контрразведки, высказал мнение о его полной несостоятельности в расследовании причин гибели «Императрицы Марии». Эти межведомственные «разборки» свели к нулю попытки установить истину.

Новые документы, уже из архивов советской контрразведки, свидетельствуют о пристальном внимании к «Императрице Марии» и другим кораблям Черноморского флота военной разведки главного противника России в Первой мировой войне – Германии. Вполне возможно, что лица, о которых пойдет речь, имели отношение к гибели корабля.

В 1933 г. органами ОГПУ Украины в крупном судостроительном центре страны – Николаеве – была разоблачена резидентура немецкой разведки, действовавшая под прикрытием торговой фирмы «Контроль-К°», возглавляемой Виктором Эдуардовичем Верманом, 1883 г. р., уроженцем Херсона, проживавшим в Николаеве и работавшим начальником механосборочного цеха «Плуг и молот». Цель организации – срыв судостроительной программы набирающего мощь военного и торгового флота Советского Союза. Конкретные задачи – совершение диверсий на Николаевском заводе имени Анри Марти, а также сбор информации о строящихся там судах, большинство из которых были военными. Этот крупнейший судостроительный завод страны образовался на базе того самого Русского судостроительного акционерного общества «Руссуд», со стапелей которого сошли «Императрица Мария» и однотипный линкор «Александр III». В ходе следствия выяснилось много интересных фактов, уходящих корнями в дореволюционный Николаев.

Сам Верман являлся разведчиком с «дореволюционным» стажем. На допросе он рассказывал: «Шпионской деятельностью я стал заниматься в 1908 г. (именно с этого периода начинается осуществление новой морской программы России. – *Примеч. авт.)* в Николаеве, работая на заводе “Наваль” в отделе морских машин. Вовлечен в шпионскую деятельность я был группой немецких инженеров того отдела, состоящей из инженера Моора и Гана», и далее: «Моор и Ган, а более всего первый, стали меня обрабатывать и вовлекать в разведывательную работу в пользу Германии».

Деятельность В. Вермана подробно изложена в той части архивного следственного дела, которая называется «Моя шпионская деятельность в пользу Германии при царском правительстве».

После отъезда Гана и Моора в Германию «руководство» работой Вермана перешло непосредственно к германскому консулу в Николаеве господину Винштайту. Верман дал о нем исчерпывающие данные: «…Я узнал, что Винштайт офицер германской армии в чине гауптмана (капитана), что находится он в России не случайно, а является резидентом германского генерального штаба и проводил большую разведывательную работу на юге Рос-

сии. Примерно с 1908 г. Винштайт был назначен в Николаеве вице-консулом. Бежал он в Германию за несколько дней до объявления войны с Германией – в июле 1914 г.…».

Так уж сложились обстоятельства, что Верману было поручено взять на себя руководство всей немецкой разведсетью на юге России: в Николаеве, Одессе, Херсоне и Севастополе. Вместе со своей агентурой он вербовал людей для разведывательной работы в этих городах, собирал материалы о промышленных предприятиях, данные о строящихся военных судах подводного и надводного плавания, их конструкции, вооружении, тоннаже, скорости.

На допросе Верман рассказывал: «Из лиц, мною лично завербованных для шпионской работы в период 1908–1914 гг., я помню следующих: Штайвеха, Блимке, Наймаера, Линке Бруно, инженера Шеффера, электрика Сгибнева». Все они – сотрудники судостроительных заводов, имеющие право прохода на строящиеся корабли.

Особый интерес вызвал электрик А.В. Сгибнев. Он отвечал за работы по оборудованию временного освещения строящихся на «Руссуде» военных кораблей, в том числе и «Императрицы Марии». В 1933 г. в ходе следствия Сгибнев показал, что Вермана очень интересовала схема артиллерийских башен дредноутов. А ведь первый взрыв на линкоре «Императрица Мария» раздался именно под носовой артиллерийской башней. «В период 1912–1914 гг., – рассказывал Сгибнев, – я передавал Верману сведения в устной форме о строящихся линейных кораблях типа “Дредноут”, “Мария” и “Александр III”, в рамках того, что мне было известно о ходе их постройки и сроках готовности отдельных отсеков кораблей».

Таким образом, у Вермана концентрировалась в руках ценнейшая информация о возрастающей мощи русского флота на Черном море. После оккупации юга России немцами разведывательная деятельность Вермана была вознаграждена по достоинству. Из протокола допроса: «В 1918 г. по представлению капитан-лейтенанта Клосса я был германским командованием за самоотверженную работу и шпионскую деятельность в пользу Германии награжден Железным крестом 2-й степени».

Пережив интервенцию и Гражданскую войну, Верман «осел» в Николаеве. Там в 1923 г. на него вышел секретарь германского консульства в Одессе господин Ган. Напомнив Верману о былых заслугах перед немецкой разведкой, дипломат предложил ему продолжить старую работу по «специальности». Верман дал согласие. Воссозданная им разведывательная сеть до своего раскрытия советскими органами госбезопасности действовала достаточно эффективно. Виктор Эдуардович был мастером своего дела.

Но вернемся к взрыву на «Марии». В этот период Верман был депортирован и организовать взрыв не мог. Но в Николаеве и Севастополе была оставлена хорошо подготовленная разведсеть. Позднее он сам говорил об этом: «…Я лично осуществлял связь с 1908 г. по разведывательной работе со следующими городами:… Севастополем, где разведывательной работой руководил инженер-механик завода “Наваль” Визер, находившийся в Севастополе по поручению нашего завода специально для монтажа строившегося в Севастополе броненосца “Златоуст”. Знаю, что у Визера была своя шпионская сеть в Севастополе, из состава которой я помню только конструктора адмиралтейства Карпова Ивана, с которым мне приходилось лично сталкиваться». Здесь и возникает вопрос: не участвовал ли Визер в «достройке» «Императрицы Марии» или ее ремонте в начале октября 1916 г.? Тогда на борту корабля ежедневно находились десятки инженеров, техников и рабочих. Проход на корабль этих людей не составлял труда. Вот что говорится об этом в письме Севастопольского жандармского управления начальнику штаба командующего Черноморским флотом: «… Матросы говорят о том, что рабочие по проводке электричества, бывшие на корабле накануне взрыва, до 10 час. вечера могли что-нибудь учинить и со злым умыслом, так как рабочие при входе на корабль совершенно не осматривались и работали также без досмотра.

Особенно высказывается подозрение в этом отношении на инженера той фирмы, что на Нахимовском проспекте, в д. 35, якобы накануне взрыва уехавшего из Севастополя».

Вопросов много. Но ясно одно – постройка новейших линкоров Черноморского флота, в том числе «Императрицы Марии», «опекалась» агентами германской разведки самым плотным образом. Немцев очень беспокоил русский военный потенциал на Черном море, и они могли пойти на любые действия, чтобы не допустить превосходства России на данном театре военных действий.

В связи с этим интересны сведения закордонного агента петроградского департамента полиции, выступавшего под псевдонимами Александров, Ленин, Шарль. Его настоящее имя – Бенциан Долин.

В период Первой мировой войны Долин, как и многие другие агенты политической полиции, был переориентирован на работу в области внешней контрразведки. В результате проведенных оперативных комбинаций Шарль вышел на контакт с немецкой военной разведкой и получил задание – вывести из строя «Императрицу Марию».

Бисмарк, с которым русский агент встретился в Берне, сказал ему: «У русских одно преимущество перед нами на Черном море – это “Мария”. Постарайтесь убрать ее. Тогда наши силы будут равны, а при равенстве сил мы победим».

На запрос Шарля в петроградский департамент полиции он получил распоряжение принять, с некоторыми оговорками, предложение об уничтожении русского линкора. По возвращении в Петроград агент был передан в распоряжение военных властей, однако связь с ним не была восстановлена. В результате такого бездействия были утеряны контакты с германской разведкой, на очередную встречу с которой агент должен был выйти через два месяца в Стокгольме. Еще через некоторое время Шарль узнал из газет о взрывах на «Императрице Марии».

Отправленное им в связи с этим событием письмо в департамент полиции осталось без ответа.

Следствие по делу арестованных в Николаеве германских агентов было закончено в 1934 г. Вызывает недоумение и легкость наказания, понесенного Верманом и Сгибневым. Первый был выдворен за пределы СССР в марте 1934 г., второй – приговорен к 3 годам лагерей. Собственно, чего же недоумевать?! Они уничтожали ненавистный царизм!

В 1989 г. оба агента были реабилитированы. В заключении органов юстиции говорится, что Верман, Сгибнев, а также Шеффер (который понес самое тяжкое наказание – был приговорен к расстрелу, хотя сведений о приведении приговора в исполнение не имеется) подпадают под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов».

А что же стало с останками некогда мощного боевого корабля Черноморского флота?

Член комиссии по расследованию причины гибели «Императрицы Марии» А.Н. Крылов был назначен председателем организованной при Морском техническом комитете комиссии по подъему линкора.

Необходимо было загерметизировать отсеки корабля и, подав в них сжатый воздух, заставить судно всплыть вверх килем. Затем в доке, загерметизировав полностью корпус, на глубокой воде поставить корабль на ровный киль.

Работы в соответствии с предложенным проектом продвигались успешно. К концу 1916 г все кормовые отсеки были отжаты, и корма всплыла на поверхность. Полностью линкор (вернее, то, что от него осталось) всплыл 8 мая 1918 г.

Гражданская война, интервенция, послевоенная разруха заставили забыть об «Императрице Марии». Корабль находился в доке на деревянных клетках-опорах кверху днищем. В 1923 г. корпус линейного корабля из-за подгнивших опор просел, дав прогиб; док из-

за повреждений оказался затопленным. На время исправления дока корабль поставили на мель у входа в бухту, а в 1926 г. его разобрали на металлолом. Позднее подняли и артиллерийские башни корабля, артиллерийские 305-миллиметровые орудия которого продолжили свою боевую службу. В 1941–1942 гг. их установили под Севастополем на 30-й батарее береговой обороны во время штурма города. Они нанесли немалый урон наступавшим гитлеровским войскам. Только 25 июня 1942 г., штурмуя 30-ю батарею, враг потерял убитыми и ранеными до тысячи человек.

Так закончилась боевая биография корабля, погибшего по «неустановленным причинам».

Свое имя и героическое прошлое «Императрица Мария» унаследовала от флагманского корабля адмирала П.С. Нахимова. Парусная «Императрица Мария» возглавляла русскую эскадру в знаменитом Синопском сражении 18 ноября 1853 г., вписавшем еще одну достойную страницу в летопись славных побед Андреевского флага. Линкор «Императрица Мария» достойно нес боевую вахту в 1915–1916 гг., приумножая славу своего предшественника.

И у обоих кораблей всего лишь один год службы и общее место гибели – родная Севастопольская бухта. Почему парусная «Императрица Мария» легла на дно бухты – известно. В августе 1854 г. ее затопили, чтобы преградить вход в Севастопольскую бухту англо-французской эскадре. Что заставило линейный корабль «Императрица Мария» погрузиться в воды Черного моря – до сих пор остается загадкой.

Кронштадт, 1921 год

5 апреля 1921 г. особоуполномоченный ВЧК Яков Агранов[1] доложил Феликсу Дзержинскому о завершении расследования «по делу мятежа в городе Кронштадте»[2]. Что произошло в 1921 г. на острове Котлин, где располагалась морская крепость Кронштадт, усиленная двумя группами фортов, запирающими проливы между островами и материком? На рейде Кронштадтского порта находились два линейных корабля – «Севастополь» и «Петропавловск», имевших мощное вооружение. Почему в Кронштадте состоялось антибольшевистское выступление матросов и красноармейцев, поддержанное рабочими Кронштадта, основным требованием которых было: «Власть Советам, а не партиям!»? Произошло ли оно стихийно, или заранее готовилось «белогвардейскими центрами» из-за рубежа? Почему информация о грядущем восстании, если оно готовилось заранее, тем более если его руководящие центры находились за рубежом и инспирировались французской контрразведкой, как писала об этом газета «Петроградская правда»[3], не привлекла внимание ни органов ВЧК, ни военного командования, ни политических органов? Ответить на эти и другие вопросы, реконструировать основные события в городе и крепости Кронштадт, а также действия советского государственного аппарата по подавлению восстания с последовавшими репрессиями, помогут документальные источники из российских архивов.

«Издать совершенно популярную, массовую книгу о Кронштадте…»

События, происходившие в феврале – марте 1921 г. в Кронштадте, уже описаны в десятках монографий, во многих научных и публицистических статьях. За прошедшие девяносто лет эта тема неизменно освещалась в российских (советских) и иностранных справочных изданиях, учебниках по истории КПСС и истории России.

Работа по изучению истории Кронштадтского восстания «в нужном направлении» и под контролем Политбюро ЦК РКП(б) началась практически сразу же после завершения операции по его подавлению. 22 марта 1921 г. с такой инициативой выступили председатель Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР Н. Крупская и заведующий агитационным отделом Л. Шапиро[4]. Они направили письмо в ЦК РКП(б) Е. Ярославскому, предложив и дать «совершено популярную, массовую, пригодную для “народных” чтений (типа “устной газеты”) Красную книгу о Кронштадте, содержательно выясняющую по документам и фактическим материалам картину событий, внутренние группировки, иностранные нити, внутреннее развитие событий, наметившийся крах изнутри и т. п…»[5].

В советской историографии события, которые происходили в 1921 г. в Кронштадте, именовались «Кронштадтский мятеж», «кронштадтская авантюра», «бунт моряков Балтфлота», а его участники неизменно назывались «мятежниками» и «врагами революции». В работах русских эмигрантов и иностранных исследователей рассказывалось о «героической борьбе восставших против диктатуры коммунистической партии», а партийно-государственный аппарат и военнослужащие Красной Армии, принимавшие участие в подавлении восстания, назывались «палачами»[6].

Во второй половине 1930-х гг. интерес к теме Кронштадтского восстания снизился, лишь в 1939 г вышла в свет брошюра О. Леонидова[7]. Дело в том, что в тот период были репрессированы многие руководили подавления восстания. В 1970–1980 гг. появились научные работы С. Семанова[8], в которых основной акцент сделан на изучении хода ликвидации Кронштадтского мятежа, а также Ю. Щетинова[9], Ю. Мухачева[10], дополнивших историографию Кронштадтского восстания.

В 1990–1994 гг, после того как стали открываться российские архивы и расширилась источниковая база, появились новые работы. В качестве постановочного выдвигался вопрос: «мятеж или восстание?»[11] В отдельных работах продолжалось исследование связи Кронштадтского восстания с зарубежными центрами. Постепенно менялось отношение к событиям в Кронштадте и в научной среде, и на официальном уровне. В современной российской историографии появились работы, в которых с учетом новых данных проанализированы причины событий 1921 г. в Кронштадте[12]. Сами события стали чаще называться «Кронштадтское восстание» или «кронштадтская трагедия», хотя в отдельных работах сохраняется упоминание о «Кронштадтском мятеже»[13], а также исследуется роль антибольшевистских партий[14]. Это связано с сильным идеологизированным влиянием на авторов советского прошлого и работ того периода.

Отношение к событиям 1921 г. в Кронштадте изменилось и на государственном уровне. В январе 1994 г. принят указ Президента Российской Федерации[15], в котором репрессии в отношении матросов, солдат и рабочих Кронштадта, основанные на обвинении в вооруженном мятеже, признаны незаконными и противоречащими основным гражданским правам.

В исследовательских работах российских[16] и иностранных[17] историков, научных статьях или главах в монографиях, которые опубликованы в 1995–2010 гг. по теме Кронштадтского восстания, стали шире использоваться ранее неизвестные источники.

Документальные материалы о событиях в Кронштадте хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве Военно-морского флота, Российском государственном военном архиве, Российском государственном архиве социально-политической истории, Архиве внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации и других архивах.

Документы ЦА ФСБ России включают в себя: нормативные правовые акты Совета труда и обороны (СТО), СНК РСФСР, приказы и директивы ВЧК по ликвидации Кронштадтского мятежа (фонд 66, опись 1), делопроизводственные документы ВЧК (ф. 1, оп. 4–5, д. 10–12, 35, 44, 76, 224, 470, 40—542, 552); материалы периодической печати; личные документы (письма дневники, воспоминания), которые отложились в делопроизводственных документах ВЧК и в архивных следственных делах.

Наиболее объемным и информативным из названных групп документов является архивное следственное дело «Кронштадтский мятеж» (271 т.)[18].

В первую группу материалов дела можно отнести правительственные сообщения, материалы Комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по укреплению Петроградского военного округа, Комитета обороны г. Петрограда (воззвания, объявления, инструкции, планы, доклады), сводки о возникновении и ликвидации Кронштадтского мятежа, материалы боевых действий частей Красной Армии, разведывательные сводки, сводки о состоянии частей Красной Армии (тт. 1–8, 271).

Во вторую группу входят материалы Временного Ревкома: протоколы заседаний, приказы, воззвания, радиограммы, телефонограммы, документы, выданные Ревкомом, переписка с частями гарнизона (тт. 10–17).

Судебно-следственные документы составляют третью группу материалов: протоколы заседания Президиума Петроградской ГубЧК и Коллегии Особого отдела Охфинграницы Республики; протоколы заседания Чрезвычайной тройки и Комиссии по пересмотру дел (тт. 18–21), следственные материалы (тт. 22–99, 100, 106–151, 200–205), материалы на лиц, возвратившихся из Финляндии (тт. 152–191), материалы на заложников (тт. 206–208) и лиц, выселенных из г. Кронштадта «в порядке чистки» (тт. 209–221); следственные материалы по частям РККА (тт. 192–198).

Личные документы обвиняемых по делу «Кронштадтский мятеж» (тт. 257–267) составляют четвертую группу материалов (тт. 243–246).

Пятую группу документов составляют: списки (тт. 222–229), материалы переписки, справки, анкеты, заявления, телеграммы, рапорты (тт. 247–255).

Ценными источниками являются опубликованные воспоминания очевидцев и участников подавления восстания, их дневники и документы[19].

Достаточно редко в СССР записывались воспоминания очевидцев событий или участников восстания, поэтому безусловный интерес представляют воспоминания Ю. Шпателя[20], находившегося в тот период с родителями в Кронштадте, который считает, что «Кронштадтскому мятежу в марте 1921 г. предшествовало массовое недовольство населения всей страны откровенными поборами и голодом. Главным поводом к восстанию моряков в Кронштадте послужили массовые голодные забастовки рабочих на фабриках и заводах Петрограда»[21].

Документы по исследуемой теме публиковались в виде приложения к монографии С. Семанова «Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 г…» (М., 1973), в котором дана подборка из 14 документов, в основном о боевых действиях частей при штурме Кронштадта 17–18 марта.

Ряд новых документов опубликован в «Военно-историческом журнале» (1981, № 3) – о боевых действиях Северной группы войск 17–18 марта и в журнале «Советские архивы» (1989, № 1) – доклад начальника штаба ККА П.П. Лебедева о подавлении Кронштадтского восстания от 20 марта 1921 г.

Подборки документов по теме кронштадтских событий 1921 г. публикуются в журналах «Вопросы истории» (1994, № 4–7) и «Отечественные архивы» (1996, № 1). Затем в Международном фонде «Демократия» издается объемный сборник документов по этой же теме[22].

В 1999 г. вышел в свет сборник документов, в котором введены в научный оборот свыше 800 новых источников из ранее закрытых архивов, фондов и коллекций, хранившихся в «особых» и «секретных» архивах ЦК КПСС, КГБ СССР и других ведомств[23]. Документы названного сборника раскрывают официальные (публичные) и тайные цели и позиции партийных, военных и карательных органов Советской России. В сборнике представлены сохранившиеся документы восставших, материалы о репрессиях, письма и протоколы допросов руководителей и рядовых участников этих событий, документы о влиянии кронштадтских событий на отношения с иностранными государствами, об оценке причин Кронштадтского восстания партийными и военными деятелями и эмигрантскими кругами.

«Ухудшение политической физиономии Балтфлота»

С конца 1917 г. Кронштадт превратился в своего рода кадровый резерв, из которого руководство РКП(б) подбирало надежных и преданных делу революции кандидатов для укрепления фронтов Гражданской войны. На смену им приходило пополнение, набранное по призыву в основном из сельских районов Юга России и Украины. Только в 1920 г. в Кронштадт прибыло около 10 тыс. матросов и красноармейцев из общего числа рядовых военнослужащих в 17 тыс. человек.

19 мая 1920 г. командующий морскими силами А. Немитц[24] поставил перед Л. Троцким вопрос о назначении начальником морских сил Балтфлота Ф. Раскольникова[25], так как на этой должности должно быть «лицо авторитетное политически и действительно способное в военном отношении». Немитц отмечал, что флот находится в неудовлетворительном состоянии, необходимо повышать боевую готовность, упразднить Реввоенсовет флота, мешавший проведению в жизнь распоряжений центра[26].

Ф. Раскольников, вступивший в командование Балтийским флотом 8 июля 1920 г., энергично занялся улучшением боеспособности флота и укреплением дисциплины. Он запретил увольнение в отпуска на судах, в частях и учреждениях без разрешения штаба флота, ужесточил порядок схода на берег, что было негативно воспринято моряками и вызвало напряженность в коллективах.

Для выяснения морально-политического состояния личного состава Балтийского флота 2 декабря 1920 г. в Кронштадт был направлен представитель Особого отдела ВЧК В. Фельдман. Уже 10 декабря он информировал ВЧК, что на Балтфлоте наблюдается усталость масс, вызванная интенсивной политической жизнью и экономическими неурядицами, «выкачиванием из этой массы наиболее стойкого, закаленного в революционной борьбе элемента <…>, разбавление остатков этой массы политически отсталыми, а порой неблагонадежными лицами, что изменило в худшую сторону политическую физиономию Балтфлота». Надежды моряков на скорую демобилизацию в связи с окончанием войны, на улучшение материального состояния, а также желание отдыха не оправдались[27].

На судах Балтфлота большая часть квалифицированных специалистов (минеры, машинисты и т. п.) являлись выходцами из образованных на западных окраинах России новых государств (Латвия, Эстония и др.). Они намеревались путем оптации[28] избавиться от военной службы. Командование Балтфлота не могло удовлетворить требований по оптации моряков иностранного подданства и отправить их на родину, так как флот сразу лишился бы большого числа нужных ему специалистов.

Фельдман писал, что матросы и красноармейцы Кронштадта, сохраняя тесные связи с деревней, продолжали жить настроениями крестьянства. Недовольство масс Балтфлота «усугублялось письмами с родины. Почти все они несут жалобы на тяжесть жизни и сплошь указывают на несправедливости, вольные и невольные, местных властей <…>. Все, и партийные и беспартийные, в один голос жалуются на удручающие вести с родины: у того последнюю лошадь забрали, у другого старика отца посадили, у третьего весь посев забрали, там последнюю корову увели, тут реквизиционный отряд забрал все носильные вещи и т. д., а обратиться же за разъяснением, за помощью не к кому, да и органа такого нет»[29].

Причиной недовольств были непродуманные действия большевистского правительства, тяжелые условия службы и работы, а также льготы и привилегии комиссаров, которые были увлечены внутрипартийными дискуссиями и мало внимания обращали на настроения матросов, красноармейцев и рабочих Кронштадтской крепости. Более 40 % членов РКП(б) на Балтфлоте вышли из партии по религиозным убеждениям. В. Фельдман сделал вывод: «Общее положение политической физиономии Балтфлота характеризуется усталостью, жаждой отдыха, надеждой на скорую демобилизацию. Недовольство, вызываемое задержкой быстрого исполнения желаний, усугубляется письмами с мест, остается в скрытой форме и имеет общий характер. Недовольство, вызванное Раскольниковым в связи с проводимой им работой, особенно своего апогея достигло в сентябре, хотя в сильные формы все же не вылилось. Теперь оно понизилось». Представитель ВЧК считал необходимым «сблизить верхи с низами путем большей общедоступности верхов», устранить привилегии, которыми пользуется штаб флота, поднять уровень политработы, решить вопрос с латышами, эстонцами и другими иностранцами, изъять из Балтфлота анархистов.

Конфликт интересов между командованием Балтфлота и моряками расширялся. 14 января 1921 г. Ф. Раскольников и Э. Батис направили в ЦК РКП(б) телеграмму об угрозе потери флотом боеспособности в связи с дискуссией о профсоюзах в партийных организациях моряков. По их мнению, дискуссия приняла чрезвычайно опасные формы, так как моряки-коммунисты выступили против военной дисциплины, считали невозможным применение военных методов в строительстве Красного флота. Содержание телеграммы стало

известно морякам, которые истолковали ее как «лживый донос». В такой обстановке Раскольников, посчитав невозможным свое дальнейшее пребывание на Балтфлоте, 23 января подал рапорт с просьбой об отставке и 27 января был освобожден от должности.

«Сначала изъять всех интеллигентов…»

В докладе Я. Агранова дается анализ развития событий: «Контрреволюционное восстание гарнизона и рабочих Кронштадта (1–7 марта) явилось непосредственным логическим развитием волнений и забастовок на некоторых заводах и фабриках Петербурга, вспыхнувших в 20-х числах февраля (1921 г.). Сосредоточение в Петербургских промышленных предприятиях значительного количества рабочих, мобилизованных в порядке трудовой повинности, и последовавшее затем в начале февраля (1921 г.) из-за топливного кризиса внезапное закрытие большинства только что пущенных в ход предприятий вызвали недовольство и раздражение в кругах наиболее отсталых петербургских рабочих. Трудмобилизованные привнесли с собой из деревни в рабочую среду разлагающие настроения мелких собственников, взбешенных системой разверстки, запрещением свободной торговли и действиями заградительных отрядов».[30]

После появления слухов о расстреле рабочих в Петрограде ночью 26 февраля на линкорах «Севастополь» и «Петропавловск» прошли собрания, на которых были избраны делегаты для выяснения дел на месте.

Положение в стране, политическая обстановка в Москве и Петрограде и меры по снабжению рабочих Петрограда продовольствием рассматривались 28 февраля на заседании Политбюро ЦК РКП (б), которое постановило: «… меньшевиков не освобождать, поручить Чека усилить аресты среди меньшевиков и социалистов революционеров, не исключая одиночек рабочих, особенно в тех случаях, когда они выделяются своей активностью. Срочно запросить ВЧК о деятельности анархистов и других несоветских партий в связи с теперешними контрреволюционными выступлениями <…>. Немедленно вызвать Дзержинского (находившегося в Харькове. – *Примеч. авт.)* в Москву»[31].

В этот же день, 28 февраля, заместитель председателя ВЧК И.К. Ксенофонтов подписал приказ «Об усилении борьбы с контрреволюцией». В нем отмечалось, что «эсеры и меньшевики, пользуясь естественным недовольством рабочих тяжелыми условиями жизни, стараются вызвать забастовочное движение, придав ему организованный всероссийский характер, направленный против Советской власти и РКП. Поэтому

ВЧК приказывает разбить аппарат антисоветских партий». В городах и поселках, где шли забастовки, предписывалось: «Сначала изъять всех интеллигентов: анархистов, эсеров, меньшевиков, особенно служащих в земотделах, продорганах и распределительных учреждениях. Потом приступить к изъятию активных эсеров, меньшевиков и анархистов, работающих на заводах и призывающих к забастовкам, выступлениям и демонстрациям <…>. Решение об арестах в рабочей среде принимать совместно с парткомами <…>. Беспощадно бороться с белогвардейцами…»[32].

ПГЧК 1 марта сообщила в Москву о выступлениях рабочих с требованиями улучшить экономическое положение, снять заградительные отряды и разрешить свободную торговлю, созвать Учредительное собрание, беспартийную общегородскую конференцию, провести перевыборы в Совет. ПГЧК информировала: «Чека арестовала всю головку эсеров и меньшевиков, среди арестованных меньшевиков есть Дан и профессор Рожков и из правых эсеров все активные, тех и других свыше сотни. Всего арестованных до 300 человек, остальные 200 человек активные рабочие и из интеллигенции. По данным следствия, видную роль в происходящих событиях играют меньшевики». И далее: «Вчера события перекинулись в Кронштадт, были собрания на линкорах “Петропавловск” и “Севастополь”, там орудовали глав-

ным образом анархически настроенные матросы, к вечеру матросы успокоились. Сегодня в Кронштадте целый день происходит митинг, выступают М.И. Калинин и Кузьмин, сначала положение было очень тревожное, решительно не давали говорить, требуя упразднения Особых отделов Чека[33], предоставления свободной торговли»[34].

События в Кронштадте стали полной неожиданностью для политического руководства Советской России. Сразу же последовали вопросы: что известно о флоте, почему нам не сообщали? Нужна ли помощь ЦК? Даны были указания информировать о положении в Кронштадте, настроениях матросов, положении на фабриках и заводах в 10 часов утра и в 7 часов вечера.

«Ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели…»

1 марта общее собрание моряков, на котором присутствовали М.И. Калинин, Н.Н. Кузьмин[35] и П.Д. Васильев[36], заслушало делегатов, возвратившихся из Петрограда, и приняло резолюцию: «Ввиду того, что настоящие советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы тайным голосованием. Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, левым партиям и анархистам. <…> Собрать не позднее 10 марта 1921 г. беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов г. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии. Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочим и крестьянским движением. Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях. Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели <…>. Немедленно снять все заградительные отряды…» Эта резолюция была поддержана подавляющим большинством Кронштадтского гарнизона и оглашена на общегородском митинге 1 марта в присутствии 16 тыс. жителей города.

Как пишет в своих воспоминаниях очевидец событий Ю. Шпатель, на митинге на Якорной площади Кронштадта собралось около 15 тыс. человек. «Митинг открыл Васильев.

Первым выступил комиссар Балтфлота Н. Кузьмин. Внешность его никак не соответствовала его должности: он был тучным холеным барином среднего роста, лет за сорок. На нем была зеленого сукна бекеша и каракулевая папаха на голове. Говорил он отрывисто, крикливо, бросая в толпу неубедительные призывы к благоразумию, сдобренные порцией угроз. После комиссара начали выступать многие желающие, которые в один голос отмечали нежелательность заградительных отрядов, голод и холод, а также отсутствие порядка. После этого снова выступил Кузьмин и, напрягая голос, начал напоминать о славных боевых традициях Кронштадта и Балтфлота, но тут из толпы выскочил бородач и закричал на него: “А ты забыл, как на Северном фронте каждого десятого расстреливал?!” Кузьмин вспыхнул: “Изменников делу трудящихся расстреливаем и будем расстреливать!” Тогда толпа заорала: “Постреляли и хватит, нечего грозить, мы и не такое видали!..” После Кузьмина выступил Калинин, его тихий голос относило ветром, он говорил о своих революционных заслугах и том, что смерти не боится… Тут выступил старший писарь с линкора “Петропавловск” С.М. Петриченко[37] и зачитал принятую резолюцию из 14 пунктов»[38].

2 марта на линкоре «Петропавловск» на собрании делегатов всех морских, красноармейских и рабочих организаций был образован Временный Революционный Комитет (ВРК), которому переданы все полномочия по управлению городом и крепостью. Первоначально в состав ВРК вошло 5 человек, затем его численность была увеличена до 15 человек. Председателем Ревкома стал старший писарь линкора «Петропавловск» С. Петриченко.

ВРК объявил о начале подготовки перевыборов Совета, о борьбе с голодом, холодом и разрухой, заявив, что «коммунистическая партия, правящая страной, оторвалась от масс и оказалась не в силах вывести ее из состояния общей разрухи… и потеряла доверие рабочих масс». ВРК стремился не допустить кровопролития и принимал «чрезвычайные меры по организации в городе, крепости и на фортах Революционного порядка». Для нейтрализации возможных активных действий комиссаров и коммунистов С.М. Петриченко распорядился «арестовать и обезоружить комиссара тов. Чистякова, помощника и коммунистов подозрительных…»[39]

Около 900 коммунистов из 2680, находившихся в Кронштадте, вышло из рядов РКП(б) и примкнуло к Кронштадтскому восстанию, а около 150 политработников, сотрудников Особого отдела и Ревтрибунала беспрепятственно покинули город. Большинство кораблей, береговых частей и фортов Кронштадта поддержали восставших.

Морская контрразведка «не отвечает ни своим целям, ни задачам…»

Еще в декабре 1920 г. В. Фельдман, докладывая руководству военной контрразведки о морально-политическом состоянии личного состава Балтфлота, оценивал как неудовлетворительную работу Морского отделения Особого отдела ВЧК, считая, что оно «не отвечает ни своим целям, ни задачам, не располагает материалами об обстановке на местах, не поддерживает связи с местными органами ВЧК, а в целом имеет плохое представление о работе»[40].

Не лучше обстояли дела и в территориальных органах ВЧК. Так, 2 марта Озолин передал в ВЧК: «В Петрограде спокойно. Большинство заводов работают. Матросы кораблей “Петропавловска” и “Севастополя” образовали “Ревком” из трех человек и комиссии по перевыборам в Совет…»[41]

События в Кронштадте были оценены советским политическим руководством как «заговор» и «мятеж». 2 марта 1921 г. Ленин и Троцкий подписали правительственное сообщение: «Новый белогвардейский заговор. Мятеж бывшего генерала

Козловского[42] и корабля “Петропавловск”». В СТО отмечалось: «28 февраля в Кронштадте на корабле “Петропавловск” начались волнения, была принята черносотенно-эсеровская резолюция <…>. 2 марта в роли мятежников выступил генерал Козловский». В документе говорилось, что «за спиной эсеров и на этот раз стоял царский генерал». СТО постановил: «Бывшего генерала Козловского и его сподвижников объявить вне закона. Город Петроград и Петроградскую губернию объявить на осадном положении». Вся полнота власти в Петрограде переходила к Военному Совету (Комитету обороны) Петрограда. Временно приостанавливались «театры и зрелища». Хождение по улицам разрешалось до 19 часов[43]. Виновные в неисполнении приказов подлежали ответственности по законам осадного положения. В случае «скопления на улицах» войскам предписывалось использовать оружие[44].

ПГЧК лишь с 3 марта ежедневно стала направлять в ВЧК сводки о положении в Петрограде и Кронштадте. Однако в них содержалась информация, которая собиралась либо путем анализа полученных официальных документов Кронштадтского Ревкома (приказов, радиограмм, листовок), либо путем опроса перебежчиков, либо в ходе допросов арестованных. В ночь на 3 марта были проведены аресты «среди комсостава флота и Петроградского военного округа». «Ненадежные спецы арестованы»[45].

Однако допросы арестованных ничего не дали. Озолин сообщил в Президиум ВЧК: «С Кронштадтом положение без перемен. Нет активных выступлений ни с их стороны, ни с нашей. В городе спокойно, хотя циркулирует масса всевозможных слухов <…>. Сегодня ночью перехвачены листовки, направленные из Кронштадта в Петроград Ревкомом Кронштадта, находящимся на “Петропавловске”. Ревком обращается к населению Петрограда перейти на их сторону, отстранить от работы всех коммунистов, произвести перевыборы в

Совет. Делать все это, не проливая крови, приняться за хозяйственное строительство страны на социалистических началах и так далее. Среди перебежчиков из Кронштадта преобладают красноармейцы и рабочие, которые мало знают об общем настроении и планах руководителей»[46].

В сводках от 7 марта ПГЧК отмечала, что положение оставалось «без перемен: нет активности ни с нашей, ни с их стороны», то есть против Кронштадта не проводилось пока операций военного характера. Было арестовано до 600 перебежчиков и «неблагонадежных морских и сухопутных специалистов». Губчека с сожалением сообщала: «Напасть на какую-нибудь крупную контрреволюционную организацию пока не удалось. Интеллигенция и спецы сильно терроризированы идущими арестами».

«Кто фактически командует сейчас Балтфлотом?..»

Вплоть до начала марта не имели достоверных сведений о положении на Балтийском флоте ни Л. Троцкий, ни С. Каменев[47].

28 февраля 1921 г. секретариат Л. Троцкого задал Э. Батису (по прямому проводу) несколько вопросов о событиях на Балтфлоте, причинах недовольств и о том, почему ничего не сообщалось в РВСР Э. Батис ответил: «Особенного недовольства среди военморов нет. Есть личное недовольство обыкновенного характера, вызываемого текущими событиями (отпуск, необеспеченность продовольствием). Несколько острее выражалось недовольство порядками, имевшими место в деревне, со слов вернувшихся оттуда военморов». Причинами недовольств Э. Батис назвал забастовки на фабриках и заводах Петербурга, а также слухи о якобы расстрелянных рабочих и репрессиях со стороны органов Советской власти. По мнению Э. Батиса, недовольства носили «почти исключительно материальный характер, влияние правых эсеров и меньшевиков – ничтожное. <…> Особой остроты в настроении моряков не наблюдалось»[48].

3 марта С. Каменев, С. Данилов[49] и П. Лебедев[50] направили телеграмму в Петроград: «Сегодня из газеты мне стало известно о неблагополучии в Кронштадте и на “Петропавловске”». Так как события в Кронштадте начались 28 февраля, Каменев спрашивал, почему командующий войсками округа ничего не сообщил ему, «оставляя в полном неведении о событиях чрезвычайной важности» в Петроградском военном округе. Главком был явно раздражен: «Считаю, что такое положение вещей совершенно недопустимо и что никакие обстоятельства не могут снять с Вас обязанности как командующего войсками округа, непосредственно подчиненного Главнокомандованию. Предлагаю немедленно донести, чем объясняется такое Ваше отношение к Вашим обязанностям по отношению к Главнокомандованию, а равно донести, где сейчас находится командующий Балтфлотом, имеете ли Вы с ним связь и кто фактически командует сейчас Балтфлотом. По изложенному срочно ожидаю донесения»[51].

Д. Авров[52] и М. Лашевич[53] в ответ сообщили, что об обстановке в Петрограде и Кронштадте «ежедневно дважды в сутки доносилось Председателю РВС Троцкому и зампреду Склянскому». «Командующий Балтфлотом находится в Петрограде. Для водворения революционного порядка Комитетом Обороны назначена морская Ревтройка Балтфлота в составе бывшего начдива морской дивизии Кожанова и членов – комиссара штаба Балтфлота Галкина и комиссара дивизии подводного плавания Костина[54]. С командующим Балтфлотом связи не имею»[55].

Оценив ситуацию как неблагоприятную, поезд председателя РВСР направился в Петроград. Командующий войсками Петроградского военного округа Авров произвел на Троцкого впечатление переутомленного человека, не разобравшегося в обстановке и не

успевшего принять определенного плана действия; в округе отсутствовало общее военное управление. Д.Н. Авров считал невозможным использование частей сухопутных войск Петроградского округа в действиях против Кронштадта, так как они политически неблагонадежны. Он полагал возможным использовать лишь курсантов Петрограда. Управление силами Балтфлота представляло собой еще более неясную форму двойной власти: тройки и прежнего командующего флотом. При этом Балтфлот не подчинялся командующему войсками Петроградского округа.

Подготовку силового подавления восстания Троцкий и Каменев начали с создания единой системы управления войсками. В этих целях была воссоздана 7-я армия, командующему которой были подчинены все вооруженные силы Петроградского округа, в том числе и морские. Троцкий и Каменев считали, что не смогут быстро и эффективно решить столь сложную задачу, как восстановление порядка в Кронштадте и в целом на Балтфлоте. Перед ними встал вопрос, кому доверить выполнение столь деликатного и чрезвычайного поручения. Выбор пал на командующего Западным фронтом М. Тухачевского. 3 марта Каменев связался по прямому проводу с Тухачевским и, сообщив о «непорядках в Балтфлоте, главным образом на корабле “Петропавловск”», предложил ему отправиться в Петроград, взяв с собой «толкового генштабиста», и вступить в командование войсками. Тухачевский, подтвердив готовность выезда «сейчас же», попросил выделить ему «экстренный поезд», предоставить полевые средства связи и «бронепоезд с одиннадцатидюймовой морской пушкой». В качестве опытного генштабиста М.Н. Тухачевский назвал А. Перемытова[56].

Петросовет

4 марта на расширенном заседании пленума Петросовета обсуждался вопрос о событиях в Кронштадте. Г. Зиновьев заявил, что Петросовет не созывался ранее потому, что «нам самим не было достаточно ясно, что, собственно, происходит в Кронштадте». В стенографическом отчете восемнадцатого заседания Петросовета записано, как Зиновьев характеризовал обстановку в Кронштадте накануне восстания: «По-видимому, подготовка с их стороны была достаточно внушительная <…>. Петроград, а в особенности Кронштадт, расположен в нескольких верстах от финляндской границы, а в Финляндии живут тысячи и десятки тысяч правых эсеров, русских белогвардейцев, фабрикантов и заводчиков и газетчиков буржуазной печати. Пробраться в Кронштадт им совсем не трудно. Они сыплют там мешками золото на подкуп командного состава и той обывательщины, которая в Кронштадте уцелела. Они годами пытаются развратить Кронштадт. Фактическими руководителями дела являются: бывший генерал-майор Козловский, его помощник капитан Бурксер, офицер Ширмановский и некоторые другие». Зиновьев несколько раз повторял слова о том, что восстание подняли не моряки, а белогвардейские офицеры. «Внешним образом руководят как будто бы моряки, которые подписывают приказы, а на самом деле, фактически руководит и держит все нити в руках группа, возглавляемая одним генералом и несколькими офицерами. Они все время успокаивают, утверждая, что нам-де бояться нечего, что, в крайнем случае, мы отступим на финляндский берег; они считают, что у них есть тыл – Финляндия. В этом смысле они правы; часть вожаков, конечно, сможет отступить на финляндский берег»[57].

4 марта было составлено обращение Комитета обороны Петрограда к кронштадтцам. Им предлагалось немедленно сдаться, так как «у Кронштадта нет хлеба, нет топлива. Если вы будете упорствовать, вас перестреляют, как куропаток. Все эти генералы Козловские, Бурксеры, все эти негодяи Пероченки и Турины в последнюю минуту, конечно, убегут к белогвардейцам в Финляндию. А вы, обманутые рядовые моряки и красноармейцы, – куда денетесь вы? Если вам обещают, что вас в Финляндии будут кормить, – вас обманывают! Разве вы не слышали, как бывших врангелевцев увезли в Константинополь и как они там

тысячами умирали, как мухи, от голода и болезней <…>. Кто сдастся немедленно – тому будет прощена его вина! Сдавайтесь немедленно!»[58]

В этот же день, 4 марта, Петроградской Чрезвычайной комиссией были арестованы «десятки матросов с мятежного корабля “Петропавловск”, а также арестованы подозрительные лица из командного состава и семьи бывших генералов и офицеров, участвовавших в кронштадтском мятеже». Комитет обороны Петрограда объявил всех арестованных заложниками за тех лиц, которые были «задержаны мятежниками в Кронштадте, в особенности за комиссара Балтфлота Н.Н. Кузьмина, за председателя Кронштадтского совета Васильева и других коммунистов». В сообщении Комитета обороны Петрограда подчеркивалось: «Если хоть один волос упадет с головы задержанных товарищей, за это ответят головой названные заложники»[59].

Сообщение Комитета обороны Петрограда было отпечатано в виде листовок и сброшено в тот же день с аэроплана над Кронштадтом. Попав в руки восставших матросов, текст сообщения на следующий день, 5 марта, был опубликован в «Известиях Временного Революционного Комитета» под заголовком «Злоба бессильных». В предисловии к публикации отмечалось: «Три дня, как Кронштадт сбросил с себя кошмарную власть коммунистов, как 4 года назад сбросил власть царя и царских генералов. Три дня, как граждане Кронштадта свободно вздохнули от диктатуры партии…» В публикации обращалось внимание, что ВРК никому не мстит, никому не угрожает. Все кронштадтские коммунисты на свободе[60], им не угрожает никакая опасность. Задержанные коммунисты тоже находятся в полной безопасности, которая гарантирует их от мести со стороны населения за «красный террор». Семьи коммунистов неприкосновенны так же, как неприкосновенны и все граждане. После текста сообщения делался вывод: «Это злоба бессильных <…>. Издевательство над невинными семьями (взятыми в заложники. – *Примеч. авт.)* не прибавит новых лавров товарищам коммунистам и уж, во всяком случае, не этим путем они удержат власть, вырванную из рук рабочих, матросов и красноармейцев Кронштадта»[61].

Информация о кронштадтских событиях и положении в Петрограде обсуждалась 8 марта на заседании Исполнительного комитета Петроградского губернского Совета. Зиновьев довел до участников заседания, что первое наступление было неудачным, при этом он признал: «Мы не знаем, есть ли Кронштадт местная штука, но мы обязаны иметь в виду и другую опасность, – может быть, есть попытка начать с Кронштадта, а потом развить в целый фронт с участием того или другого из милых соседних государств». Зиновьев рассказал о восстановлении 7-й армии. «Командующим назначен т. Тухачевский, один из самых лучших командующих Республики, который победоносно воевал в Сибири и на целом ряде других фронтов»[62].

Прогнозируя развитие событий в Кронштадте, Зиновьев отметил: «Вчера наше командование думало, что от первого выстрела они (мятежники) разбегутся». Наличие в Кронштадте мощной артиллерии и хорошо организованные действия обороняющихся, по мнению Зиновьева, давали им возможность держаться, «так что военная борьба может затянуться на 1–2 дня, а может быть, и больше, сказать трудно». Неизвестным оставалось и положение с продовольствием в Кронштадте.

«Матросня обороняется, и артиллерия их отвечает полностью…»

5 марта в частях Красной Армии началась подготовка к наступлению на Кронштадт и подавлению восстания, а в морской крепости Кронштадт – подготовка к активной обороне.

Тухачевский, которому были подчинены все войска Петроградского военного округа и силы Балтфлота, предложил восставшим в течение 24 часов прекратить антисоветские выступления, в случае отказа могли начаться боевые действия. Троцкий, Каменев и Туха-

чевский надеялись, что удастся обойтись без кровопролития, необходимо лишь хорошенько припугнуть мятежников, поэтому они обратились «к гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов» с ультиматумом. Снова всем «поднявшим руку против социалистического отечества» приказывалось немедленно сложить оружие. «Упорствующих обезоружить и передать в руки советских властей. Арестованных комиссаров и других представителей власти немедленно освободить». В обращении отмечалось, что «безусловно сдавшиеся» могли рассчитывать «на милость Советской Республики». Одновременно сообщалось, что началась подготовка к разгрому мятежников, при этом ответственность за бедствия, которые «обрушатся на мирное население, ляжет целиком на головы белогвардейских мятежников»[63].

После предъявления ультиматума о сдаче, как отмечает Ю. Шпатель, с самолетов город засыпали листовками размером 4 на 8 см. Он подобрал одну такую листовку и в воспоминаниях привел ее текст: «Сдавайтесь! Иначе будете перестреляны как куропатки. Троцкий». Шпатель подчеркивает, что «листовки желания безоговорочной сдачи не вызывали»[64].

Начальник оперативного управления 7-й армии С. Плютто[65] подготовил план по штурму крепости Кронштадт, расчет сил противника (численность гарнизона Кронштадт, вооружение: тяжелая и легкая артиллерия, пулеметы, зенитные орудия) и сил частей 7-й армии. Сопоставление сил «противника» и частей 7-й армии показало, что у красноармейцев был перевес в живой силе и количестве легких орудий, но недостаток тяжелых орудий. Для осады и штурма крепости, да еще такой «солидной и притом морской, необходимо иметь осаждающему превосходство не только в живой силе, но и в средствах артиллерийской борьбы и, главным образом, тяжелой артиллерии»[66].

7 марта в 4 часа 5 минут Тухачевский отдал приказ взять штурмом «взбунтовавшуюся крепость Кронштадт». Начало артиллерийской подготовки и атаки воздушной эскадрильи по броненосцам и казармам Кронштадта – 18 часов, атаки – в 5 часов утра 8 марта. «Приступ вести стремительно и смело, подготовив его ураганным артиллерийским огнем»[67].

Первые выстрелы, сделанные по Кронштадту, вызвали противоречивые чувства у различных слоев населения, в том числе и среди коммунистов. Так, на собрании коммунисты 2-го райкома минно-артиллерийской части Кронштадтского порта заявили, что считают такой «акт преступлением перед народом, той властью, которая именуется Рабочекрестьянским правительством, потерявших доверие рабочих и крестьян и стремившихся таковую удержать на штыках обманутых коммунистических отрядов и курсантов», поэтому решили выйти из партии коммунистов. Резолюцию собрания коммунистов подписали 15 человек[68].

Приказ о наступлении был неоднозначно воспринят в частях Красной Армии. Отказался идти в наступление 561-й полк. П. Дыбенко приказал развернуть вторую цепь и стрелять по возвращающимся. Командир 561-го полка принимал «репрессивные меры против своих красноармейцев, дабы дальше заставлять идти в наступление»[69].

Первичные сведения, которые поступали к М. Тухачевскому, свидетельствовали о срыве наступления. Он сообщал С. Каменеву: «Матросня обороняется, и артиллерия их отвечает полностью. Поэтому атака встречает серьезные затруднения». Для серьезного штурма Тухачевский считал необходимым усилить наступавшие части тяжелой артиллерией особого назначения, бронепоездами с 10-дюймовыми орудиями и «хорошей пехотой». Командарм 7-й армии предполагал поддерживать артиллерийский огонь днем и ночью, а также стрелять по казармам в городе и по городу, и просил Каменева ускорить переброску частей и «вывести всех матросов из Петрограда». По мнению М. Тухачевского, «матросы в Кронштадте оказались более стойкими и организованными, чем об этом говорилось».

К 22 часам 8 марта для всех стало очевидно, что наступление на Кронштадт успеха не имело, части были отведены в исходное положение. По мнению Плютто, на провал наступле-

ния повлияли недостаточность тяжелой артиллерии у наступавших, «превосходство артиллерийского огня, сил противника, крайняя нерешительность действий 561-го полка и переход одного батальона этого полка на сторону противника». К временным успехам были отнесены действия Особого Сводного полка, ворвавшегося в Кронштадт, но подвергшегося сильному перекрестному огню и отчаянной контратаке противника и вынужденного отойти, потеряв пленными 2 роты. По данным Плютто, артиллерия 7-й армии успешно обстреливала форты, а три аэроплана «Ньюпор» сбросили на «Петропавловск» три пуда бомб[70].

Извлекая уроки из неудавшегося штурма Кронштадта, который был назван «наступательной попыткой», командующий Южной группой войск Седякин приказал командиру 178-й бригады П. Дыбенко сформировать Сводную дивизию в составе 32-й, 187-й и 56-й бригад, а начальнику артиллерийской группы сформировать две бригады бронепоездов по два бронепоезда в каждом. Седякин требовал «приложить максимум энергии по приведению своих частей в полную боевую готовность для продолжения дальнейшего наступления с целью захвата Кронштадта» и поддерживать «теснейшую связь по фронту, согласованность с соседями и обязательную охрану флангов, поддерживать атакующие колонны»[71].

В день начала штурма Кронштадта, 8 марта 1921 г., в Москве начал работу X съезд РКП(б). В отчете о политической деятельности ЦК РКП(б) была дана оценка кронштадтских событий. Как видно из содержания отчета, В. Ленин не располагал объективной информацией об обстановке в Кронштадте, так как ни ВЧК, ни руководство РВС не имели таких сведений и не могли предоставить их политическому руководству страны. Тем не менее Ленин считал, «что это восстание, быстро выявившее нам знакомую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни, если не в ближайшие часы, в этом сомнения быть не может». Ленин предлагал извлечь политические и экономические уроки из этого события. Он был убежден, что к числу организаторов восстания следует отнести эсеров и заграничных белогвардейцев, а само восстание свелось к «мелкобуржуазной контрреволюции, к мелкобуржуазной анархической стихии» с лозунгами свободной торговли, и все это было направлено против диктатуры пролетариата. По мнению Ленина, эта «мелкобуржуазная контрреволюция более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые», потому что в Советской России пролетариат составляет меньшинство, а разорение коснулось в первую очередь крестьянской собственности, и демобилизованные из армии военнослужащие значительно увеличили количество повстанцев. Ленин призывал участников X съезда РКП(б) сделать выводы, «потому что советская власть в силу экономического положения колеблется», а свобода торговли «приведет к белогвардейщине, к победе капитала, к полной его реставрации».

Информационная война в Кронштадте большевиками была проиграна.

9 марта газета «Петроградская правда» сообщала, что из Финляндии в Кронштадт пробираются сотни белогвардейских офицеров. В сводках с поля сражения отмечалось: «На нашу ураганную стрельбу из орудий, начавшуюся 7 марта вечером, мятежный Кронштадт отвечал робко, боясь расходования снарядов, Кронштадт отстреливался из легких орудий, кронштадтцы разбили лед, спасаясь атаки наседающей Красной Армии». Информация была столь нелепой, что Л. Троцкий назвал ее «вредной» и заявил Г. Зиновьеву, что лучше «либо вообще не сообщать детали, либо сообщать правду, – тем более что население, особенно моряки, в общем и целом знают о действительном ходе дел, и это подрывает доверие к печати»[72].

«Во что бы то ни стало ликвидировать Кронштадт в течение ближайших дней…»

Л. Троцкий стремился как можно быстрее подавить Кронштадтское восстание. 10 марта он направил записку в Политбюро ЦК РКП(б), в которой писал: «Кронштадтом можно

овладеть только до оттепели. Как только залив станет свободным для плавания, установится связь Кронштадта с заграницей. В то же время остров станет недоступным для нас <…>. Нужно во что бы то ни стало ликвидировать Кронштадт в течение ближайших дней. Это может быть достигнуто только путем мобилизации значительного числа боевых коммунистов и ответственных работников в Петроград». Троцкий отмечал, что надежды на сдачу из-за отсутствия продовольствия совершенно неосновательны, так как «до открытия навигации продовольствия у восставших хватит», и призывал принять «исключительные меры», так как «ни партия, ни члены ЦК не отдают себе отчета в чрезвычайной остроте кронштадтского вопроса»[73].

Ленин, обсудив по телефону с Зиновьевым вопрос об использовании части делегатов X съезда РКП(б) для подавления мятежа, предложил направить в Петроград К.Е. Ворошилова и других делегатов съезда[74]. Делегаты X съезда РКП(б), прибывшие для участия в штурме Кронштадта, направлялись на «усиление военно-административной и политической работы» и назначались, как правило, особоуполномоченными в воинские части и учреждения. Так, К.Е. Ворошилов был назначен Военно-политическим комиссаром Южной группы войск, А. Бубнов[75], Е. Равикович[76], М. Флерова[77], В. Затонский[78], Г Пятаков[79] и другие – особоуполномоченными в составе Южной группы войск.

11 марта Тухачевский сообщил Главкому о сосредоточении войск, прибытии дополнительных сил, занятии позиций тяжелой артиллерией особого назначения (ТАОН). Он отметил, что артиллерия Южной группы производит плохое впечатление, поэтому он заменяет начальника артиллерии: «Налегаю вовсю на организацию огня; весь Кронштадт как на ладони, и, по-моему, при хорошем огне мы его разобьем <…>. Словом, усиленно готовимся и организуем штурм, который я считаю делом серьезным». Каменев полагал, что «самое скверное – это начало оттепели». Он признавал необходимость ускорить события, так как «потом не доберешься никак до Кронштадта». Хотя Тухачевского тоже пугала оттепель и «политические персоны» торопили его начинать штурм Кронштадта, он не спешил атаковать до прибытия подкрепления. Каменев, соглашаясь с тем, что «горячиться нельзя», призывал ускорить подготовку штурма: скорее сосредоточивать артиллерию, «ни тратя ни минуты, произвести “пристрелку”, возможно быстрее нанести поражение авионами и артогнем, ну и атаковать, когда будут для этого силы»[80].

В подавлении восстания принимали участие и заградительные отряды, которым предоставлялись большие полномочия: расстреливать на месте всех дезертиров и паникеров; при взятии фортов задерживать и расстреливать всех мятежников, «пленных быть не должно», не допускать, чтобы красноармейцы после взятия Кронштадта расходились по домам, вступали в разговоры с мятежниками или разбегались.

Намеченное на 14 марта наступление на Кронштадт пришлось отложить – 79-я бригада 27-й дивизии не выполнила приказ о выходе на боевую позицию. Причиной отказа красноармейцев выполнить приказ послужила их боязнь выходить на лед залива, порожденная слухами о якобы погибших подо льдом десятках тысяч курсантов. В 23 часа 45 минут 15 марта Тухачевский подписал боевой приказ войскам 7-й армии на штурм крепости Кронштадт в ночь с 16 на 17 марта.

Артиллерийский огонь начался в 14 часов 16 марта и продолжался до вечера. Движение войск на Кронштадт началось в 3 часа утра 17 марта.

«Операция представляла громадные, казалось, непреодолимые трудности…»

Каменев с нетерпением ждал от Тухачевского сообщений о результатах повторного штурма Кронштадта и в 13 часов 30 минут 17 марта пригласил его для разговора по прямому проводу. Тухачевский сообщил о результатах боев первой половины дня 17 марта. После

упорных боев, потеряв большую часть состава, Северная группа войск заняла форты № 4, 5, 6 и 7, один батальон вступил в северо-западную часть Кронштадта. 32-я, 167-я и 187-я бригады Южной группы войск вели упорные уличные бои в центре Кронштадта; продвижению войска мешал заградительный огонь линкора «Петропавловск». 79-я бригада заняла форты № 1, 2, «Южный» и вела бой за форт «Милютин». Бои в центре города носили чрезвычайно ожесточенный характер, и Тухачевский послал «последний резервный курсантский полк на Лисий Нос и кавалерийский полк 27-й дивизии в Ораниенбаум». Действия авиации затруднялись из-за уличных боев, поэтому она вела огонь только по линкору «Петропавловск» и форту «Тотлебен». Тухачевский намеревался выехать в войска, ему было «важно уловить дух Южной группы войск»[81].

Всем добровольно сдавшимся морякам и другим лицам снова гарантировалось сохранение жизни, если они немедленно и добровольно сложат оружие. К 11 часам 18 марта Кронштадт был занят войсками Красной Армии.

К. Ворошилов, В. Затонский и А. Бубнов от имени делегатов X съезда направили в адрес ЦК РКП(б) телеграмму, в которой сообщалось: «Выдержка и спайка коммунистов еще раз победила. Кронштадт снова в наших руках. Операция представляла громадные, казалось непреодолимые трудности. Кронштадт был сильно укреплен. Его гарнизон, дравшийся с мужеством отчаяния, находился в руках опытного командования, в то время как в некоторой части советского аппарата имел место саботаж, в воинских частях наблюдалось неустойчивость, колебания». В телеграмме анализировались причины отказов красноармейцев выполнять приказы командования по штурму Кронштадта и описывались принятые меры: «Боязнь вступить на лед довела до открытых отказов от выполнения приказов со стороны ряда полков. Благодаря энергии коммунистов, как прибывших с X съезда, так и командированных разными организациями, а также благодаря стойкости коммунистического ядра воинских частей и в особенности коммунистов-командиров, все трудности были преодолены и части, накануне разоруженные, пошли на лед. Несмотря на колебания некоторых полков, в общем, части вели себя героически и, не обращая внимания на тяжелые потери от сосредоточенного пулеметного и артиллерийского огня, ворвались на рассвете 17 марта в Кронштадт». Далее в телеграмме сообщалось о том, что «втянувшиеся в город красноармейские части были засыпаны со всех сторон пулями. Усталые части растерялись и дрогнули». Отмечалось, что «в уличных боях мы понесли жертв больше, чем на подступах к крепости, причем выбывал преимущественно наиболее стойкий элемент – комсостав и коммунисты… У коммунистов нервы оказались крепкие. Потерпев неудачу в попытке выбить нас из Кронштадта, мятежники дрогнули. Началось разложение». Делегаты X съезда, подписавшие телеграмму, попрежнему считали, что организаторами мятежа являлись бывшие белые офицеры: «Офицерские заправилы решили бежать в Финляндию, взорвав “Севастополь” и “Петропавловск”, что вызвало возмущение обманутой части команды, и в ночь с 17 на 18 марта старым матросам удалось захватить власть на кораблях и арестовать офицеров и некоторых вождей мятежа <…>. Мы победили и прежде всего победили морально. Провокация белогвардейцев разоблачена. Кронштадт станет твердыней революции»[82].

В 14 часов 50 минут 18 марта Тухачевский проинформировал Каменева о занятии Кронштадта, линкоров «Петропавловск» и «Севастополь», а также ряда фортов. Тухачевский считал, что «наша гастроль здесь окончилась», и просил разрешения «возвратиться восвояси». Каменев ответил: «Ваша гастроль блестяще закончена, в чем я и не сомневался, когда привлекал Вас к сотрудничеству в этой истории, я бы просил Вас задержаться до выяснения с фортом Риф, что, вероятно, сегодня будет». Главком интересовался, сможет ли «комвойсками Авров расхлебать уже остаток каши, главным образом, в вопросе развозки

частей?». Тухачевский обещал разработать и предоставить Главкому план разгрузки «этого района от войск еще до отъезда».[83]

Расправа

Еще не закончились бои по овладению Кронштадтом, как началась фильтрация задержанных. 18 марта К. Ворошилов дал указание: «Немедленно усилить Особый отдел людьми, вполне годными для особоотдельской работы. Всех прибывающих арестованных из Кронштадта фильтровать самым тщательным образом, имея в виду, что сейчас уже наступил резкий перелом и подлые элементы не прочь укрыться под маской и коммунистов и сочувствующих».

О том, как проходила фильтрация участников Кронштадтского восстания, рассказал Ю. Шпатель: «В хвосте штурмовавшей Кронштадт армии Тухачевского следовали вершители человеческих судеб: прокуроры и судьи ревтрибунала. Едва ступив на берег Котлина, они немедленно принялись за “работу”. Местом открытых судебных процессов трибунал выбрал лучший зал в городе – сцену Морского офицерского собрания. Первыми были присуждены к “вышке” не успевшие бежать в Финляндию члены Ревкома: Вальк, Павлов и Парушев, а за ними редактор “Известий Кронштадтского революционного комитета” А.Н. Ломанов – первый председатель Кронштадтского совета рабочих депутатов». Шпатель стал свидетелем приема и оформления арестованных матросов с линкора «Петропавловск»: «Перед входом в приемную тюрьмы, прямо на улице, стояла шеренга арестованных матросов, по двое в ряд, окруженная плотным кольцом курсантов. Арестованных было около полутора сотен. Огромного роста чекист в длинной до колен гимнастерке, галифе, отличных сапогах и кубанке на голове, пользуясь увесистой ременной нагайкой, с бранью запускал для допроса группы матросой человек по пятнадцать. Фамилия верзилы была Куликов, я хорошо ее запомнил. Браня матросов, Куликов говорил им: “Хорошо стреляли, сукины дети!” Один из матросов заметил ему: “Те, что стреляли, давно в Финляндии!..” “Кто это сказал?!” – заорал Куликов. “Я”, – отозвался один из матросов. “Ты артиллерист?” – спросил Куликов. “Нет, кочегар”, – был ответ. “Выходит, не успел подняться наверх и бежать. Будешь и за себя, и за них расплачиваться!..” К смертной казни без обжалования была приговорена большая группа командиров с военно-морских кораблей, а за ними множество простых мастеров, рабочих, служащих, хоть в малейшей степени в далеком прошлом причастных к деятельности левых партий (меньшевики, эсеры, анархисты)»[84].

Советское руководство, оценив Кронштадтское восстание как серьезную угрозу «диктатуре пролетариата», приняло жесткие меры. После подавления восстания в Кронштадте начались аресты как активистов восстания, так и тех, кто не брал в руки оружие. Репрессии, которые продолжались в разных формах вплоть до 1922 г, осуществляли Президиум Петроградской ГубЧК, Коллегия Особого отдела охраны финляндской границы Республики, Чрезвычайная тройка Кронштадтского особого отделения и частично Революционный военный трибунал Петроградского военного округа. Они расследовали «преступления» как участников восстания, так и тех, кто должен был его подавлять, но проявил нерешительность или сочувствие к кронштадтцам.

Если красноармейцев, отказывавшихся выполнять боевые приказы перед наступлением на Кронштадт, можно сказать, пощадили, приняв к ним более мягкие репрессивные меры, то по отношению к восставшим никакие смягчающие обстоятельства не рассматривались. Были специально разработаны и отпечатаны типографским способом «Анкеты для участника Кронштадтского мятежа», в которых на трех листах содержались 35 вопросов. Каждый «участник Кронштадтского мятежа» должен был ответить на вопросы биографического характера, на вопросы о партийной принадлежности, о прохождении военной службы и, главное, об обстоятельствах мятежа (причина возникновения мятежа, кто занимался его

подготовкой, кто и куда был избираем, какие части отличились в обороне Кронштадта, кто предлагал арестовать и арестовывал коммунистов, собственное участие в мятеже). Отдельно был выделен вопрос: «Через кого имелась связь с берегом и Финляндией?»

В анкету не случайно включены вопросы о партийности или сочувствии какой-либо партии, а также о службе в Белой армии. Сделав необходимую выборку из ответов, можно было бы убедить советское население и весь мир в правильности оценок Кронштадтского восстания, данных Лениным: организаторы восстания – это эсеры и белогвардейцы-эмигранты, а само восстание – «мелкобуржуазная контрреволюция и мелкобуржуазная анархическая стихия».

Каждому арестованному участнику Кронштадтского мятежа выдавалась анкета, он заполнял ее в присутствии следователя, а следователь лишь писал на этом же бланке заключение в несколько строк, в котором определял будущую судьбу повстанца. После этого Особый отдел охраны финляндской границы Республики выносил постановление. Как правило, на этом же бланке анкеты от руки делалась запись о принятом решении. Набор вариантов был чрезвычайно широк: от расстрела до трех-пяти лет принудительных работ с содержанием (или без содержания) под стражей.

Несмотря на неимоверные усилия следователей, партийную принадлежность большинства членов Ревкома выяснить не удалось, «ввиду того, что члены Ревкома, как и все участники мятежа, тщательно скрывали свою партийную физиономию под флагом беспартийности». Агранов утверждал, что «вожди восстания хорошо учли стихийную реакцию мелкобуржуазной по существу массы против всяких партий вообще и подчеркивали на каждом шагу свою беспартийность, выдвигали на важнейшие посты беспартийных и проч…». Агранов подчеркивал, что следствием установлена партийная принадлежность некоторых руководителей движения. В качестве примера назывались В. Вальк – меньшевик, Орешин – член партии народных социалистов; Петриченко, по-видимому, был членом партии левых эсеров. Техническим руководителем «Известий Кронштадтского Ревкома» был активный член партии эсеров-максималистов А. Ламанов. «За исключением Петриченко, Кильгаста (штурман дальнего плавания) и Орешина, Ревком состоял из матросов и рабочих»[85].

По мнению Агранова, «видную роль в столь быстром разложении коммунистической организации сыграло опубликованное в “Известиях Кроншт. Ревкома” воззвание так называемого “Временного Бюро Кронштадтской организации РКП”»[86]. В воззвании всех коммунистов призывали оставаться на местах своей службы в целях беспрепятственного проведения в жизнь известной резолюции. За время мятежа в Ревком и редакцию поступило от 800 до 900 заявлений о выходе из РКП. «Повальное бегство из партии, сопровождавшееся резкими и циничными оскорблениями и угрозами по адресу РКП и ее вождей, еще более укрепило в стихийной массе уверенность в неминуемом крушении коммунистического режима». Агранов сделал вывод: «Установить связи с контрреволюционными партиями и организациями, действующими на территории Советской России и за рубежом, не удалось <…>. Восстание возникло стихийным путем». Всего в качестве обвиняемых были привлечены к следствию более 10 тыс. человек, из них свыше 2,1 тыс. человек приговорили к расстрелу, свыше 6,4 тыс. человек – к различным срокам заключения, принудительным работам или направлению в трудовую армию, и только 1464 человека были освобождены из-под стражи[87].

Лишь к 5-летию Октябрьской революции решением ВЦИК от 2 ноября 1922 г. значительная часть рядовых участников Кронштадтского восстания была амнистирована.

Во второй половине 1930-х гг., в годы «Большого террора», были репрессированы многие высокопоставленные военные и делегаты X съезда РКП(б), специально направлявшиеся «на подавление Кронштадтского мятежа», руководители и сотрудники репрессивных органов, а также рядовые участники подавления восстания. Масштабы репрессий против

бывших руководителей и участников подавления Кронштадтского восстания сопоставимы с репрессиями в отношении матросов, красноармейцев и рабочих г. Кронштадта, выступивших против монополии коммунистической партии и социально-экономического положения широких слоев населения в Советской России.

Восстание или мятеж?

Оба этих понятия не дают точного представления о событиях, происходивших в городе и крепости Кронштадт. Обычно под «восстанием» понимают массовое вооруженное выступление, а под «мятежом» – стихийное восстание, вооруженное выступление против власти[88].

Как показал анализ архивных документов, матросы, солдаты, рабочие и местные жители Кронштадта не намеревались брать в руки оружие для борьбы с существовавшей властью. Они предлагали провести перевыборы Советов и хотели таким образом прекратить доминирование власти коммунистической партии большевиков. Лишь после того как части Красной Армии начали наступление на Кронштадт, было принято решение организовать оборону города и крепости. И не случайно в названии указа Президента Российской Федерации от 10 января 1994 г. не упоминается ни о восстании, ни о мятеже в Кронштадте, а лишь «о событиях в г. Кронштадте весной 1921 года». Обвинения матросов, солдат и рабочих Кронштадта в участии в вооруженном мятеже признаны незаконными и противоречащими основным гражданским правам. Таким образом, события в Кронштадте в 1921 г. представляли собой стихийное антибольшевистское выступление гарнизона Кронштадта, части сил Балтийского флота и рабочих города, которое после угрозы его подавления с применением вооруженных сил переросло в вооруженное противостояние.

Примечания

[1] Агранов (Сорендсон) Яков (Семен) Саулович (1893–1938) – особоуполномоченный при президиуме ВЧК (1920–1922). Арестован 20 июля 1937 г., расстрелян 1 августа 1938 г. Не реабилитирован.

[2] См.: ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т 1А. Л. 10–22.

[3] Французская контрразведка и Кронштадтский мятеж // Петроградская правда. 1921. 6 марта.

[4] Шапиро Л.Г (1887–1957) – член президиума Главполитпросвета, зав. Агитотделом (1920–1921).

[5] Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1999. С. 609.

[6] Правда о Кронштадте: Очерк о героической борьбе кронштадтцев против диктатуры Коммунистической партии, с картой Кронштадта, его фортов и Финского залива. Прага, 1921; *Петриченко С.М.* Правда о кронштадтских событиях. Б. м., 1921.

[7] *Леонидов О.Л.* Ликвидация Кронштадтского мятежа – март 1921 г. М., 1939.

[8] *Семанов С.Н.* Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 г. М., 1973; Он же. 18 марта 1921 г. М., 1977.

[9] *Щетинов Ю.А.* Кронштадтский мятеж и мелкобуржуазные партии. Весна 1921 г. Автореф. диссертации… МГУ, 1974; *Он же.* Сорванный заговор. М., 1978; Он же. Мелкобуржуазные партии в Кронштадтском мятеже 1921 года // Вестник МГУ. 1974. № 3; *Он же.* Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920–1921 гг.). М., 1984.

[10] *Мухачев Ю.В.* Провал «новой тактики» российской контрреволюции во время перехода к НЭПу (1921–1922). Автореф. диссертации… М., 1978; *Мухачев Ю.В., ШкаренкоЛ.К.* Крах «новой тактики» контрреволюции после Гражданской войны. М., 1980.

[11] *Воинов В.* Кронштадт: мятеж или восстание? // Наука и жизнь. 1991. № 6. С. 38–42; Мятежная Балтика // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 54–61; *Сафонов В.Н.* Кто спровоцировал кронштадтский мятеж? // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 53–64; *Семанов С.Н.* Кронштадтская молния // Москва. 1994. № 3. С. 52–59.

[12] *Архипов И.Л.* Последний отзвук революции // Ленинградский университет. 1991. 26 апреля; *Он же.* Кронштадт 1921 года: революционный мятеж? // Слово и дело. 1993. 18–24 марта. № 9; *Елизаров М.А.* Еще раз о причинах Кронштадтского восстания в марте 1921 г // Отечественная история. 2004. № 1. С. 165–174; *Ермолаев И.* Вся власть Советам. О событиях в Кронштадте 1—18 марта 1921 года // Дружба народов. 1990. № 3; *Кузнецов М.Н.* За что был расстрелян Кронштадт. СПб., 2001; *Щетинов Ю.А.* За кулисами кронштадтского восстания // Родина. 1995. № 8. С. 68–74, № 9. С. 41–46; *Яров С.В.* Кронштадтский мятеж в восприятии петроградских рабочих // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М. – СПб., 1992.

[13] *Семанов С.Н.* Кронштадтский мятеж 1921 г. М., 2003; Он же. Мятеж? // Московский журнал. 1996. № 3. С. 52–59; Военная летопись России в фотографиях. 1850-е – 2000-е: Альбом. М., 2009. С. 209.

[14] *Новиков А.П.* Эсеровские партии и кронштадтский мятеж 1921 г. // Отечественная история. 2007. № 4. С. 57–64.

[15] Указ Президента Российской Федерации от 10 января 1994 года № 65 «О событиях в г. Кронштадте весной 1921 года».

[16] *Муранов А.И., Звягинцев В.Е.* Досье на маршала. М., 1996 (глава «Обвиняется Кронштадт»); Щетинов Ю.А. За кулисами Кронштадтского восстания // Вестник Московского университета. Серия «История», 1995, № 2, 3; *Кантор Ю.З.* Война и мир Михаила Тухачевского. СПб., 2008 (глава «Ледовое побоище»).

[17] *Эврич П.* Восстание в Кронштадте, 1921 (пер. с англ. Л.А. Игоревского). М., 2007; *СуомелаЮ.* Зарубежная Россия. Идейно-политические взгляды русской эмиграции на страницах европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб., 2004 (глава «Вместо вооруженной борьбы – война словесная»).

[18] В предисловии к книге «Кронштадтская трагедия 1921 г…» указано, что в составе архивно-следственного дела более 300 томов, в действительности – «дело оформлено в 271 томе». См.: ЦА ФСБ России. Д. № 114728. Т. 1. Л. 1.

[19] *Громов В.* Во время мятежа. Из воспоминаний участника кронштадтских событий 1921 г. / 1917–1922 г. в Кронштадте. Кронштадт, 1922; Работа эсеров за границей. По материалам Парижского архива эсеров. М., 1922; *Рафаил М.* Кронштадтский мятеж. Из дневника политработника. Харьков, 1921; Кронштадтский мятеж. Сборник статей, воспоминаний и документов. Л., 1931; *Леонидов О.Л.* Ликвидация Кронштадтского мятежа. М., 1939; *Жаковщиков К.* Разгром Кронштадтского контрреволюционного мятежа в 1921 г. М., 1941; *Ротин И.* Страница истории партии. М., 1958; *Ворошилов К.Е.* Из истории подавления Кронштадтского мятежа // Военно-исторический журнал. 1961, № 3; Крах контрреволюционной авантюры: Сборник воспоминаний. Л., 1978.

[20] Шпатель Юзеф Антонович (1904 – после 1961), в 1905–1921 гг. проживал в городе-крепости Кронштадт. Находился в заключении и в ссылке (1938–1950). Реабилитирован. В 1961 г. вернулся в Ленинград.

[21] *Шпатель Ю.А.* Кронштадтская голгофа март 1917 – март 1921 // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. 2005. Выпуск 33. С. 43–49, 56–62.

[22] Кронштадтская трагедия 1921 г. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 3—21; № 5. С. 3—23. № 6. С. 24–44; Кронштадт в марте 1921 г. Публикация документов // Отечественные архивы. 1996. № 1. С. 48–76; Кронштадт 1921. Сборник. М., 1997.

[23] Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. В 2-х кн. М., 1999.

[24] Немитц Александр Васильевич (1879–1967). Командующий морскими силами Республики (с 5 февраля 1920 по 22 ноября 1922). Вице-адмирал (1941).

[25] Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892–1939). В июле 1920 – январе 1921 г. командующий Балтфлота, затем полпред в Афганистане. В 1930–1938 гг. полпред СССР в Эстонии, Дании, Болгарии. В 1938 г. отказался вернуться в СССР, стал эмигрантом. В 1939 г. объявлен «врагом народа» и лишен советского гражданства. Реабилитирован.

[26] РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 109. Л. 256.

[27] ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 472. Л. 39–40.

[28] Оптация – выбор гражданства, обычно предоставляемый населению территории, переходящей от одного государства к другому.

[29] Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 48.

[30] ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 1А. Л. 10. Заградительные отряды – специальные формирования, выставлявшиеся в городах, на железнодорожных станциях, пристанях, шоссе для охраны продовольственных и других заготовок Советского государства и борьбы с мешочничеством и спекуляцией. Созданы в связи с продовольственным кризисом и разрухой в промышленных центрах России.

[31] Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 104.

[32] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 32.

[33] На собрании линкоров 1 марта было принято решение «упразднить Чека, выпустить всех политических арестованных и <создать> свободную печать». См.: ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 3. Л. 1.

[34] РГВА Ф. 33988. Оп. 3. Д. 34. Л. 8, 8 об.

[35] Кузьмин Николай Николаевич (1883–1939) – в декабре 1920 г. пом. командующего БФ по политчасти, с февраля 1921 г. комиссар БФ. Расстрелян, реабилитирован.

[36] Васильев Павел Дмитриевич (1885—?) – в 1919–1921 гг. председатель Кронштадтского Совета и его исполкома.

[37] Петриченко Степан Максимович (1892–1947) – старший писарь линкора «Петропавловск», председатель Кронштадтского Временного Революционного комитета, с марта 1921 г. в Финляндии. В апреле 1945 г. финским правительством передан в СССР Заключен в ИТЛ сроком на 10 лет. Умер в заключении. См.: ЦА ФСБ России. № Р-18226.

[38] *Шпатель Ю.А.* Указ. изд. С. 58–59.

[39] ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 10. П. 5. Л. 16.

[40] Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 50–51.

[41] Там же. Кн. 1. М., 1999. С. 130.

[42] Козловский Александр Николаевич (1864–1940) – генерал-майор (1912). Со 2 декабря 1920 г. начальник артиллерии крепости Кронштадт. После поражения восстания ушел в Финляндию. Похоронен в Хельсинки на православном кладбище.

[43] ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 4. Л. 77, 80.

[44] Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 130–131.

[45] Там же. Кн. 1. С. 156.

[46] Там же. Кн. 1. С. 156, 179, 181.

[47] Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936) – командарм 1-го ранга (1935), главнокомандующий вооруженными силами Республики (1919–1924).

[48] Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 106, 234.

[49] Данилов Степан Степанович (1877–1939) – с 1921 г. зам. военкома, военком Штаба РККА, член РВСР. Арестован в 1934 г. и приговорен к 5 годам заключения, где и умер. Реабилитирован в марте 1956 г.

[50] Лебедев Павел Павлович (1872–1933) – в феврале 1921 г. – апреле 1924 г. нач. штаба РККА, одновременно нач. Военной академии РККА (август 1922 г. – апрель 1924 г.), член РВСР (1923–1924).

[51] Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 565.

[52] Авров Дмитрий Николаевич (1890–1922) – с ноября 1920 по апрель 1921 г. командующий войсками Петроградского военного округа.

[53] Лашевич Михаил Михайлович (1884–1928) – с 1918 г. командующий 3-й, 7-й и 15-й армиями, член РВС Восточного и Южного фронтов, Петроукрепрайона, командующий СибВО, пред. Сибревкома. В 1925 г. зам. наркома по военным и морским делам, зам. пред. РВС СССР

[54] Костин Алексей Авраамович – в 1919–1921 гг. комиссар линкора «Андрей Первозванный», курсов комсостава флота, комиссар и начальник отрядов моряков-курсантов, дивизии подводных лодок БФ. В марте 1921 г. формировал отряд моряков для штурма Кронштадта.

[55] Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 2. С. 421.

[56] Перемытов Алексей Маркович – с 3 марта 1921 г. нач. штаба 7-й армии, затем нач. штаба Западного фронта, Северо-Кавказского ВО, нач. штаба 5-й армии, МВО, Белорусского ВО, пом. командующего войсками МВО (1924–1936).

[57] Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 183–185.

[58] ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т 8. Л. 5.

[59] Там же. Т. 8. Л. 4–4 об.

[60] На самом деле Кронштадтский ВРК 4 марта 1921 г. дал предписание без особого распоряжения Революционного комитета не выпускать ни днем, ни ночью из расположения своих частей всех арестованных и неарестованных коммунистов. В сообщении ВРК от 4 марта отмечалось, что арестованные коммунисты находятся в полной безопасности. См.: ЦА ФСБ России. Д 114728. Т 10. П. 4. Л. 5.

[61] Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 2. С. 379.

[62] Там же. Кн. 1. С. 291.

[63] Там же. Кн. 1. М., 1999. С. 229, 255.

[64] Шпатель Ю.А. Указ. соч. С. 60.

[65] Плютто (Плюто) Сергей Григорьевич (1874–1955) – начальник оперативного управления штаба 7-й армии (сентябрь – декабрь 1920 г.) и штаба Петроградского военного округа (декабрь 1920 – июль 1921 г.). Член советской делегации по установлению границы с Финляндией (июль 1921 г. – май 1922 г).

[66] РГВА. Ф. 190. Оп. 3. Д. 531. Л. 1–2 об.

[67] Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 263–264.

[68] ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 13. П. 2. Л. 17.

[69] ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 3. Л. 30.

[70] ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 3. Л. 29.

[71] ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 4. Л. 3.

[72] Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 332, 369.

[73] Там же. Кн. 1. С. 349.

[74] По разным источникам, было направлено от 279 до 320 делегатов. Разница в цифрах объясняется тем, что среди лиц, отправленных в Кронштадт, были не только делегаты съезда, но и его гости.

[75] Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1940) – делегат VII–X съездов партии, добровольно отправился на подавление Кронштадтского восстания. С 1921 г. член РВС Северо-Кавказского военного округа. Расстрелян, реабилитирован.

[76] Равикович Ефим Моисеевич (1895–1938) – военком 14-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. Расстрелян, реабилитирован.

[77] Флерова (Сахновская, Гетц), Мария (Мирра) Филипповна (1897–1937) – делегат X съезда РКП(б); участник подавления Кронштадтского мятежа. Расстреляна, реабилитирована.

[78] Затонский Владимир Петрович (1888–1938) – в годы Гражданской войны член РВС 12-й, 13-й, 14-й, 6-й армий, делегат X съезда РКП(б), участник подавления восстания. Расстрелян, реабилитирован.

[79] Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (1890–1937) – в 1919–1920 гг. член РВС 13-й, 16-й и 6-й армий, делегат X съезда РКП(б), направлен на подавление Кронштадтского восстания. Расстрелян, реабилитирован.

[80] По состоянию на 11 марта в районе Кронштадта было сосредоточено 15 998 человек пехоты (штыков) и 354 конников (сабель), в том числе в Северной группе войск – 1826 штыков и 105 сабель, в Южной группе войск – 7321 штык и 103 сабли, резерв в рацоне Лигово – 3878 штыков, резерв в районе Петрограда – 2973 штыка и 146 сабель. См.: Кронштадтская трагедия 1921 года. В 2-х книгах. Кн. 1. С. 368, 422–423.

[81] Там же. Кн. 1. С. 480.

[82] Там же. Кн. 1. С. 500–501.

[83] Там же. Кн. 1. С. 502.

[84] *Шпатель Ю.А.* Указ. соч. С. 61.

[85] ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 1а. Л. 14–15.

[86] Временное бюро Кронштадтской организации РКП(б) образовано 3 марта Я. Ильиным, Ф. Первушиным и А. Кабановым, подготовившими воззвание. 5 марта члены Бюро были арестованы Кронштадтским ВРК.

[87] ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 1а. Л. 13–14; Т. 1. Ч. 1–2.

[88] См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1984. С. 85, 317.

Экспедиция подводных работ особого назначения при Особом отделе ОГПУ СССР (1923–1931 гг.)

В годы Первой мировой и Гражданской войн отечественный военный и торговый флот понес значительные потери, когда сотни российских военных кораблей и торговых судов оказались затопленными или разбросанными по всему земному шару.

Воссоздание морских сил страны велось по трем направлениям. Во-первых, предпринимались усилия по возвращению на родину угнанных и незаконно удерживаемых за рубежом судов, среди которых были новейшие типы боевых кораблей. Во-вторых, велись работы по подъему затопленных в годы войны плавсредств и военного имущества. В-третьих, осуществлялись ремонт имевшихся и строительство новых кораблей на отечественных судоверфях, что являлось наиболее трудоемким направлением.

Обеспечить судоподъем могла мощная, технически оснащенная и укомплектованная грамотными специалистами организация. Как ни странно, ведение этой работы было возложено на военных контрразведчиков Государственного политического управления СССР В 1923 г. в структуре этого ведомства при Особом отделе была создана Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН), управление которой находилось в Москве.

Возникновение Экспедиции было связано как с задачами возрождения военного и торгового флота, так и с использованием металла и оборудования негодных к восстановлению судов на нужды народного хозяйства. Задача ставилась масштабная – после Гражданской войны наши моря представляли собой кладбища боевых кораблей и гражданских судов.

В различных изданиях и публикациях, посвященных деятельности Экспедиции, упоминаются приказ ОГПУ СССР от 23 марта 1923 г. (иногда указывается его номер – 528) и мартовское решение Коллегии ОГПУ того же года, которые, по мнению авторов, и послужили датой образования организации. При этом ссылка дается только на один источник – не опубликованные в печати воспоминания руководителя ЭПРОНа Л.Н. Мейера «Хроника экспедиции подводных работ особого назначения», написанные им в 1936 г, в которых автор указывает две даты приказа – 13 и 23 марта 1923 г. и ссылается на мартовское решение Коллегии ОГПУ Однако в фондах Центрального архива ФСБ России и других архивных учреждений страны таких распорядительных документов нет.

2 ноября 1923 г. издается приказ ГПУ № 463 с объявлением штата ЭПРОНа в 58 человек. 17 декабря того же года в соответствии с приказом № 528 организации передается и первое плавсредство – спасательное судно «Кубанец». К этому времени окончательно определена и структура руководства ЭПРОНа: руководителем Экспедиции от ГПУ становится Л.Н. Мейер, который одновременно исполняет обязанности помощника начальника Особого отдела ГПУ, начальником Экспедиции – В.С. Языков. В состав руководства также вошли Ф.А. Шпакович, Е.Г. Даниленко, Д.А. Карпович. Главным врачом ЭПРОНа с 1923 года стал К. А. Павловский, крупный специалист в области водолазной медицины.

На первом этапе ЭПРОН предназначался для обследования и подъема затонувшего в Крымскую войну английского судна «Черный принц», который, по некоторым данным, перевозил груз золота.

Уверенные в успехе проведения судоподъемных работ, но явно переоценивая свои силы и возможности, организаторы Экспедиции намечали планы «международного масштаба», для чего в августе 1923 г. через полпредство СССР в Англии запрашиваются данные о затонувшем в 1912 г. пассажирском лайнере «Титаник».

Поиски золота «Черного принца», в том числе и с участием специалистов японской фирмы «Синкай Когиоссио Лимитед», продолжавшиеся до 1927 г, успехом не увенчались.

Но за период работы в районе Балаклавы был накоплен богатый опыт в области судоподъема и водолазного дела, наши специалисты научились работать на больших глубинах.

ЭПРОН, постоянно комплектуемый грамотными профессионалами-специалистами, техническими средствами и спасательными судами, из года в год набирал силу, и к середине двадцатых годов становится основной отечественной организацией по подъему затонувших плавсредств, проведению аварийно-спасательных работ на всех водных акваториях нашей страны.

Отделения ЭПРОНа формируются и на Балтике, и на Севере, и на крупных речных и озерных системах. Экспедиция становится хозрасчетной организацией. Большой доход этому предприятию, позволявший финансировать ее основную деятельность, приносили подъем со дна моря и продажа морскому ведомству и концерну «Рудметалторг» хорошо сохранившихся снарядов крупнокалиберной морской артиллерии и цветных металлов.

Одновременно ЭПРОН становится общесоюзной школой подготовки водолазов, в Балаклаве, где велись поиски «Черного принца», открывается первое в истории страны учебное заведение по подготовке водолазных специалистов.

В 1926 г. Совет Труда и Обороны СССР утвердил устав Экспедиции, в котором были узаконены права этого государственного предприятия и определен круг задач, возложенных на ЭПРОН.

Задачи Экспедиции были значительно обширнее, чем подъем судов, техники и оборудования. В документах о деятельности ЭПРОНа говорилось о том, что «роль подводных работ должна особенно возрасти в военное время. Экспедиция должна укомплектовать боевые единицы флота квалифицированными водолазами и образовать сильные спасательные отряды при объединениях морских сил. Наши плавтехнические средства могут быть, сверх того, широко использованы для постановки минных и сетевых заграждений и для выполнения всяких других военных задач». Все это подтвердилось в годы Великой Отечественной войны.

ЭПРОН щедро делился опытом, что нашло отражение в издаваемом Экспедицией бюллетене, в котором публиковались статьи о достижениях и опыте работы в области судоподъема как в нашей стране, так и за рубежом.

Как несомненный успех деятельности ЭПРОНа следует отметить, что за неполные первые десять лет своего существования Экспедицией поднято 110 судов, из которых 76 было восстановлено. Стоимость этих плавсредств превышала 50 миллионов рублей. Более того, водолазы экспедиции подняли с морского дна более 13 тысяч тонн черного металла, 4700 тонн брони, 1200 тонн цветного металла, 2500 тонн механизмов, которые были реализованы.

Летом 1928 г. ЭПРОН провел сложную в техническом отношении на тот период операцию по подъему затонувшей в Финском заливе английской подводной лодки L-55.

В те годы Морские силы Балтийского моря не имели аварийно-спасательной службы, способной поднять затонувшую лодку. Поэтому еще до начала поисковых работ военные моряки обратились за помощью к руководству Экспедиции подводных работ особого назначения.

14 ноября 1927 г. руководитель ЭПРОНа Л.Н. Мейер сообщил в Техупр УВМС о готовности Экспедиции организовать подъем L-55, и в Ленинград из Севастополя выехала группа водолазов для обследования затонувшей на глубине более 30 метров лодки.

Севастопольским водолазам-эпроновцам удалось в кратчайшие сроки найти и обследовать погибшую субмарину.

После обнаружения и идентификации объекта специалисты ЭПРОН подготовили детальный план работ, который включал операцию на море (собственно подъем), буксировку

и работы в гавани. План был тщательно продуман, рассчитан буквально по часам с учетом погодных условий.

К 1 июля 1928 г. в Кронштадт из Севастополя прибыло все необходимое имущества, и балтийская партия ЭПРОН после завершения тренировок в полном составе приступила к работе. Уже 11 августа поднятая со дня лодка в составе каравана судов пришла в Кронштадт. В дальнейшем поднятая со дна Балтики английская субмарина была отремонтирована и в августе 1931 г. вступила в боевой строй подводных сил Балтийского флота под тем же номером.

14 августа 1929 г. на своем заседании Президиум ЦИК СССР постановил: «Отмечая исключительные заслуги в деле поднятия Морских Судов, наградить Экспедицию Подводных Работ на Черном и Азовском морях "ЭПРОН" Орденом Трудового Красного Знамени».

До 1931 г. Экспедиция подводных работ находилась в составе ОГПУ СССР, а затем продолжила деятельность в составе гражданских ведомств, став впоследствии базой для создания аварийно-спасательных служб флотов.

В сборнике в полном объеме публикуется отчет руководителя ЭПРОНа Л.Н. Мейера в ОГПУ СССР о ходе работ по подъему L-55.

Докладная записка
от 15.08.1928 г. № 15/18 руководителя ЭПРОН Л.Н. Мейера председателю ОГПУ Г.Г. Ягоде о подъеме английской подводной лодки «L-55»

Совершенно секретно

I. Гибель п/л. Розыск и обследование

О подъеме английской подлодки Л 55.

В 1919 г. во время событий на Красной Горке наши эскадренные миноносцы «Азард» и «Гавриил», проходя Копорскую Губу, заметили по корме «Азарда» след торпеды. Едва пробили боевую тревогу, как вблизи э/м показалась рубка подводной лодки. С «Азарда» немедленно последовало два выстрела, лодка получила прямые попадания и скрылась. Повернувшись для тарана, миноносец лодки уже не захватил.

В последующие дни в этом месте миноносцы находили пятна всплывавшего солярового масла.

Осенью 1926 года во время работы тральщиков в Копорском заливе около 59°55′ северной широты и 28º48′6″ восточной долготы, после очистки задевшего трала, было поднято прицельное приспособление от 4"* орудия с английской надписью. Спущенный тотчас водолаз ничего не обнаружил.

Получив в сентябре м[еся] це прошлого года сведения о возможном обнаружении погибшей английской лодки Л-55 (название установлено официальным сообщением Английского Адмиралтейства о гибели в 1919 г[оду] этой лодки в Финском заливе), я просил Наморси РККА т. Муклевича дать распоряжение о повторном тралении этого района. В отмеченном в 1919 г. месте трал снова задевал, но флотские водолазы не могли определить, за мутностью воды, в чем дело. Один из них, по неопытности, был выброшен с глубины 30 метр[ов] наверх. Командированным из Севастополя водолазам ЭПРОНа удалось 20 октября, за несколько дней до ледостава, обследовать погибшее судно, оказавшееся действительно подводной лодкой.

Пройдя от носа до рубки и спустившись снова на корму, водолазы не смогли обнаружить никаких повреждений корпуса лодки.

19 мая этого года, после решения Управления морских сил РККА поручить подъемные работы ЭПРОНу, прибывшая в Кронштадт водолазная партия экспедиции продолжила

обследование лодки. Оказалось, что задняя часть рубки снесена взрывом, что непосредственной причиной гибели лодки был взрыв мины заграждения, на которую лодка, по-видимому, наткнулась, ускользая от огня эсминцев.

Эта пробоина от мины может дать теперь повод для разговоров, что лодка не была уничтожена «Азардом», а погибла благодаря собственной неосторожности. Это неверно и подобные разговоры не нужны.

Л-55 водоизмещением в 950/1180 тонн, вооруженная двумя 4″ пушками и 6-ю 12″ торпедными аппаратами, вошла в строй в том же 1919 г Подлодки этого типа составляют основные группы подводного флота Великобритании и по сие время. Между прочим, сестры погибшей лодки: Л-54 и Л-56 в начале этого года, по данным «Морского сборника», входили в состав Английских морских сил в Китае.

II. План работ

Принятый ЭПРОНом план подъемных работ заключался в следующем: в Балтийском флоте находится спасат[ельное] судно «Коммуна» (бывш[ий] «Волхов»), оно было построено в 1914 г. специально для подъема (докировки) подводных лодок и имеет 4 подъемных гиней, с рассчитанной мощностью до 250 тонн. Вес Л-55 в воде определялся нами в 860 тонн. Замена понтонов, потребляемых нами на Черном море (которых кстати мы не нашли бы на Балтике) подъемными гинями на «Коммуне» – была весьма заманчива, так как сильно упрощала громоздкие и хлопотливые операции в море. Главная задача заключалась в производстве большого ремонта, так как до этого «Коммуна» много лет не плавала, а являлась базой для команд Бригады подводных лодок. Несмотря на заверения Технического управления Военно-морских сил РККА о налаженном ремонте, мой проверочный приезд в Ленинград в начале апреля показал, что к ремонту еще даже не приступали. После все кнопки крепко нажаты, но «Коммуна» поступила в распоряжение ЭПРОНа только 22 июня с опозданием 1 ½ месяца против намеченного срока.

Вопрос об источнике подъемных усилий, таким образом, разрешался использованием «Коммуны».

Под лежащую на грунте лодку следовало провести в 4-х местах железные полотенца, которые стропами нужно было после соединить с подъемными гинями «Коммуны». Подъем лодки было предположено произвести не сразу, а по ступеням: с 32 на 20 метров и, далее, у Кронштадта довести углубление лодки до вышины порога дока. Ступенчатый подъем давал большую уверенность в успехе, так как, во-первых, накладка на гаки гиней коушей подъемных стропов, на большой глубине при мутной и почти совершенно непрозрачной воде, являлось для водолазов делом весьма затруднительным, требующим большего времени, и, во-вторых, – невозможность быстро сбросить на глубине с гиней «Коммуны» подъемные стропа при свежей погоде грозило срывом всей ранее выполненной работы.

После опоздания с выходом из ремонта «Коммуны», принятый план был вторично нарушен свежими погодами этого лета. Здесь говорят, что лета в этом г. вообще не было, и все кто знал о наших работах, выражали опасения, что в этом г. их закончить не удастся. Еще три недели назад из-за этих невероятных погод прекратили совсем работы на кр[ейсере] «Олег», лежащим у самого Кронштадта, где ветер особой волны не разводит и Рудметалторг имеет сорванную работу, которая обошлась ему в 700000 рублей.

Надо было укладываться в малые сроки редких, хороших дней и поэтому, после моего приезда, было решено увеличить риск, но подъем произвести сразу с 32 метр[ов] до поверхности.

III. Ход морских работ

К 1 июня в Кронштадт прибыла из Севастополя все необходимое имущество и Балтийская партия ЭПРОНа уже в полном составе приступила к работам.

Проводка под днищем затонувшего судна полотенец обычно производится после промывки туннелей в грунте; это, конечно, занимает много времени.

На Л-55 промывка туннелей, благодаря мягкости грунта, была заменена подрезкой грунта по всей длине лодки стальным тросом и полотенца были попросту протащены через грунт. Это было большой удачей. Подрезка была начата 28.VI с[его] г[ода] – закончена к 11 июля с[его] г[ода]. Подводили полотенца с 12 по 22 июля. К вечеру 8 августа работы на лодке, все время прерываемые свежей погодой, были закончены, и 9 августа я предполагал навеску стропов на гаки и начало самого подъема, но погода снова помешала. Стих ветер и волна с утра 10, и заключительные работы тотчас же начались. Громадной опасностью являлся возможный свежий ветер, он прервет работу, а прерывать ее уже нельзя: все может быть сорвано и придется начинать все сначала, начиная с подрезки. Однако, наши опасения не оправдались. С утра 10 до 8 час[ов] 11, как будто впервые за лето, море, как зеркало и ветер задул с норд-веста только через полчаса после того, как заложили коуш на последний гак «Коммуны».

Электролебедки были пущены в ход в 7 час[ов] 30 мин[ут]. Подъем должен был производиться 25–30 мин[ут], но неисправность лебедок или повышенное трение от неисправности блоков вело к чрезмерной перегрузке электромоторов и гини приходилось все время стопорить.

Одно время казалось, что уже оторванную лодку мы больше тралим на грунт, чем поднимаем, но все же к 9 час[ам] 15 мин[утам] над водой показалось носовое орудие на рубке и в 10 час[ов] подъем был закончен. Флагшток с простым красным флагом был немедленно закреплен над пушкой Л-55.

Около 9 час[ов] на баке «Коммуны» крики: «мина, мина». Оказалось, что стравленный на грунт правый кормовой перлинь при выбирании подорвал английскую мину, и она по ветру в нескольких саженях прошла под кормой «Коммуны». Весь этот район минирован на глубине 20 метров. Случай мог умножить списки мертвецов в Копорье и дать ЭПРОНовцам, которые остались на Черном мере, новую спешную работу. В 13 часов, уже при сильном ветре и крупной зыби, наспех сбросив концы на бочки и отклепав якорь, «Коммуна» направилась в Кронштадт.

IV. Работа в доке

В 23 часа «Коммуна» стала у стенки Пароходного завода в Военной гавани.

С утра 12 водолазы снимали формы днища лодки, и артель рабочих готовила клетки в доке имени т. Велещинского. Эта работа, обычно требующая несколько дней, к вечеру была выполнена, и док начали заливать. В 10 час[ов] «Коммуну» посетил т. Ворошилов с сопровождающими, ему сделали доклад о выполненных работах и показали орудийную установку и нос, выступающие из воды. Т. Ворошилов поздравил нас с успехом и благодарил за выполненную работу.

В 4 час[а] 13 буксиры потащили «Коммуну» с лодкой в док. Установка на клетки закончилась к 14 часам, и к вечеру док начали откачивать. В 23 часа открыли люк сзади носового орудия, там был сжатый воздух; видны сброшенные с гнезд снаряды. Последующие попытки открыть носовой миннопогрузочный люк не удались: заклепки оказались стальными и только портили инструмент.

В 1 час ночи обнаружился крен лодки на правый борт 3–4°, пришлось откачку временно прекратить из-за опасения свалить лодку. В 7 час[ов] прибыл т. Муклевич, который подробно обследовал все, что было можно видеть. Водолазы обследовали клетки, установили подпорки, откачка дока возобновилась. Около 10 час[ов] лодка перекачнулась налево,

получила маленький крен на левый борт и стала вполне надежно. В 13 час[ов] 14 начались работы по выемке трупов и по очистке внутренних помещений, которые продолжаются до настоящего времени. Обязанности экспедиции закончены вчера вечером, когда док был окончательно осушен.

V. Состояние лодки

По морским справочникам штат лодок типа Л – 45 чел[овек]. Предполагая некоторый расход людей на отпуска, болезни и проч[ее], мы должны обнаружить не менее 35–40 трупов.

Внутренние помещения лодки были сплошь залиты водой. В отсеках, после откачки и спуска воды, остается много жидкой и плотной черной грязи, которая до настоящего времени еще не выбрана. Везде сильный трупный болотный запах, трудноперенос имый людьми.

Взрыв мины повлек немедленную гибель людей, каждого на своем месте. В средней части лодки люди погибли от удара, в корме и носу они были оглушены сотрясением и немедленно залиты водой, т. к. все внутренние переборки, сверх ожидания, оказались незадраенными. Никаких следов борьбы за жизнь обнаружить не удалось. Трупы сохранили свои очертания и консервировались, превратившись в состояние жировоска.

Трупы легко распадаются на части и поэтому извлекать их целиком, да еще из грязи, почти не удается. У трупов, которые после откачки воды, были найдены под слоем грязи, головы и конечности отваливались и скрывались в грязи. В первое время голов, вообще, не находили. Сейчас в 17 час[ов], когда я пишу Вам эти строки, по определению врачей, извлечено и сложено в гробы целиком и по частям только около 25 трупов, некоторая часть скрыта грязью.

В среднюю часть лодки, из-за разрушения от взрыва, трудно пройти. Туда сейчас делают проходы автогенщики, там найдем остальных. С большой осторожностью я определяю срок окончания этой неприятнейшей работы к вечеру 17 августа. К этому сроку трупы будут проверены снова, так как сейчас в гробы кладутся, собственно, не целые трупы, а отдельные их части. Гробы будут окрашены в черный цвет и сложены на санитарной барже. К этому же сроку мы постараемся собрать все личные вещи команды (переписку, фотографии, обмундирование и пр.). Их вымыть, просушить, привести, насколько это возможно, в приличный вид и сложить в корзины. Нужно иметь в виду, что мы принуждены «обезличивать» гробы и вещи и избежать этого почти совсем не удастся.

Разрушение средней части Вы увидите на фотографиях. Лодка, несомненно, имеет вертикальный прогиб в средней части, но настолько незначительный, что, по мнению специалистов, это никоим образом не может помешать восстановлению. Сохранность корпуса, механизмов и оборудования самая хорошая; все, что не повреждено взрывом, может быть отремонтировано или даже только перебрано.

Если у Вас возникнут сомнения, достаточно ли я нажал на работу по выемке трупов и очистке внутренних помещений, то прошу учесть неимоверно тяжелые условия для работающих. Запах и разложившиеся трупы вызывают у слабых людей неимоверное отвращение. Внутри лодки сразу много людей работать не могут – всего по двум частям, не более 4–6 чел.

Некоторые выводы

В заключение я хочу отметить, что поднятая лодка для нашего флота является исключительной ценностью. Мне кажется, что эта океанская лодка много лучше и много могущественнее тех, которые нами сейчас строятся. Остехбюро, например, конструирует увеличенные торпеды: у нас на вооружении 18″, а нужно 21″. На эту работу тратятся сотни тысяч, – а теперь у нас в руках 9—21 торпед, которые после переброски на испытании наверно окажутся лучше тех, которые строит В.И. Беккаури. Итак, вероятно, со всеми другими механизмами и деталями. Мы нашли целый склад секретных документов, в виде разных инструк-

ций по артиллерии и друг[им] областям военно-морского дела, своды секретных сигналов и, главное, целое шифровальное производство с общими правилами, наставлениями и набором кодов.

Среди командного состава на кораблях, во время большого похода, шли разговоры о том, что ЭПРОН провалится, так как погоды все сорвут. По мнению всех – мы справились с этой работой очень быстро и появление «Коммуны» с лодкой в Кронштадте было полной неожиданностью. Своим первым дебютом в Балтике ЭПРОН зарекомендовал себя блестяще. На наших водолазов смотрят, как на чудодейственных людей.

Я не имею никаких сведений о принятом порядке и сроках предстоящих церемоний с трупами и боюсь сделать ошибки. Прошу дать распоряжение меня информировать в необходимых пределах. Прошу простить за недостаточно систематизированный и полный доклад и за ошибки, которые исправить нет времени.

Возможно, я упустил в докладе важные вещи, но мне из Ленинграда не указали, что именно я должен описать подробнее. Фельдъегерь должен выехать немедленно, чтобы не опоздать на поезд.

При этом представляю: 1) некоторые вещи, найденные в лодке – для примера и 2–3 комплекта фотографий – один комплект просил т. Ворошилов.

Руководитель ЭПРОНа *Мейер.*

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 6. Д. 67. Л. 52–60. Подлинник.

Судьбы Русского флота

Итоги завершившейся Гражданской войны оказались плачевными для России. Трагедия расколотого российского общества стала одновременно и трагедией отечественного флота. На переломе нашей истории в первой половине XX в. мы лишились значительной части корабельного состава, опытных моряков. Практически полностью была разрушена береговая инфраструктура флота. Судостроительная промышленность утратила производственные мощности и квалифицированные кадры. Понадобились десятилетия, чтобы восстановить утраченное.

Оценивая состояние флота, наркомвоенмор М.В. Фрунзе писал: «В общем ходе революции и… Гражданской войны на долю морского флота выпали особенно тяжкие удары. В результате их мы лишились большей и лучшей части его материального состава, лишились огромного большинства опытных и знающих командиров, игравших в жизни и работе флота еще большую роль, чем во всех других родах оружия, потеряли целый ряд морских баз и, наконец, потеряли основное ядро и рядового краснофлотского состава. В сумме все это означало, что флота у нас нет»[1].

Сотни боевых кораблей и торговых судов в ходе Гражданской войны и военной интервенции оказались затопленными или разбросанными по всему земному шару. Часть кораблей и судов с юга России и Дальнего Востока с отступающими белогвардейцами ушла в зарубежные порты. Навсегда покинули Севастополь и другие черноморские порты линкор, крейсер, 11 эсминцев, четыре подводные лодки, канонерских лодок, ряд вспомогательных кораблей и десятки коммерческих судов, которые прибыли в Стамбул. Последним российским кораблем, ушедшим за границу, стала канонерская лодка «Гайдамак» под флагом начальника штаба Черноморского флота контр-адмирала Н.Н. Машукова, которая оставила Ялту днем 15 ноября 1920 г.

После разгрома белогвардейцев на Дальнем Востоке в ноябре 1922 г из Владивостока в Китай ушли 33 корабля и судна различных классов, значительная часть из которых позже перебазировалась в Манилу (Филиппины).

По решению правительства Франции Черноморская эскадра в середине 1921 г. совершила переход из Стамбула во французскую военно-морскую базу Бизерта (Тунис) на Средиземном море. Следует отметить, что французы рассматривали корабли и суда эскадры, прежде всего, как залог уплаты своих крупных займов царской России и расходов на поддержку Белого движения.

Уже в 1921–1924 гг в счет оплаты российских долгов Франция завладела несколькими коммерческими судами, а ряд канонерских лодок и вспомогательных судов бывшего Черноморского флота продала частным судовладельцам. Та же участь постигла и 11 судов, пришедших в Бизерту в апреле 1921 г. и принадлежавших ранее русским судоходным компаниям – РОПИТу и Добровольному флоту.

С признанием Французской Республикой СССР на русских кораблях, стоящих в Тунисе, были спущены Андреевские флаги, экипажи расформированы, а эскадра перешла в ведение военно-морского префекта Бизерты.

В сложившейся после окончания Гражданской войны ситуации для воссоздания Морских сил Советской Республики рассматривались три направления. Во-первых, вернуть на родину угнанные и незаконно удерживаемые за рубежом суда, среди которых были новейшие боевые корабли. Во-вторых, поднять затопленные в годы войны корабли, суда и военное имущество. В-третьих, наладить ремонт имеющихся и строительство новых кораблей на отечественных судоверфях, что являлось наиболее трудоемким направлением.

Возврат угнанных за рубеж судов казался советскому правительству самым быстрым и наименее затратным в финансовом плане путем возрождения отечественного флота. Уже в августе 1922 г НКПС, Морком, ГПУ, НКИД и НКВТ подготовили и разослали всем заинтересованным структурам межведомственную инструкцию «О порядке задержания судов РСФСР, приходящих в порты Советских Республик под иностранным флагом». Инструкцией, в частности, обязывалось принимать все зависящие меры «к задержанию приходящих под каким-либо иностранным флагом судов, составляющих в действительности собственность РСФСР в силу Декрета о национализации торгового флота от 23 января 1918 г…»[2]. Для возвращения из-за рубежа коммерческих судов широко применялась и практика судебных разбирательств. Благодаря этим и другим мерам удалось вернуть в Россию часть пароходов Добровольного флота, составивших основу формировавшегося Совторгфлота.

Что касается бизертской эскадры, то советское правительство предполагало возвратить корабли для усиления РККФ на Балтийском и Черном морях. В январе 1925 г. Бизерту посетила советская техническая комиссия во главе с академиком А.Н. Крыловым и военно-морским атташе Е.А. Беренсом. Решение межгосударственных вопросов по возврату судов было возложено на Л.Б. Красина.

Предполагалось возвратить наиболее современные линейный корабль, эсминцы типа «Новик» и подводные лодки. Однако реализовать эти планы не позволили противодействие Сената и общественности Франции, властей ряда других европейских стран, взаимные претензии по возмещению долгов и ущерба от интервенции.

Переговорный процесс продвигался крайне медленно. Следует особо отметить попытки французов помешать работе комиссии. Резидентура ОГПУ информировала, что для организации слежки за комиссией Крылова в Бизерту французской разведкой были направлены шесть сотрудников, а также два польских агента. Одновременно в Тунис «были отправлены специальные люди из Парижа для того, чтобы привести в возможно более негодное состояние наши эскадры». Это делалось для того, чтобы у «большевиков пропала всякая охота требовать такой хлам»[3].

Кроме политических имелись препятствия финансового и технического плана. Становилось ясно, что без вложения средств в ремонт изрядно потрепанных кораблей бизертской эскадры невозможно довести эти суда до ближайших российских портов. На декабрьском (1925 г.) заседании комиссии Политбюро по данному вопросу было принято решение пойти на компромиссную меру и «допустить ремонт судов бизертской эскадры за границей лишь в тех пределах, поскольку это связано с технической невозможностью их увода из Франции»[4].

В декабре СТО было дано поручение изыскать финансовые средства для обеспечения проводки судов в наши воды, учитывая возможность продажи части из них на слом за границей. По этой же причине было принято решение оставить открытым вопрос о ратификации Лозаннской конвенции до возвращения кораблей в порты Черного моря.

Однако предпринятые меры, долгие и безрезультатные переговоры не дали результатов – корабли бизертской эскадры так и не вернулись на родину. Они постепенно пришли в негодность и в 1930–1936 гг. были разобраны на металл. Последним пошел на слом в 1936 г. линкор «Генерал Алексеев» (бывший «Воля»).

Весьма сложным оказался процесс возврата и судов, угнанных с Дальнего Востока (эскадра Старка). Советским правительством предпринимались попытки решить этот вопрос различными способами, включая дипломатические каналы, судебные разбирательства и использование возможностей ОГПУ. Была предпринята попытка вернуть ушедший Дальневосточный флот путем амнистии участников Белого движения с направлением соответствующего постановления ВЦИК «командиру каждого судна флотилии Старка китай-

скими властями под расписку»[5]. Однако должной реакции не последовало. Впоследствии эта флотилия из китайских портов ушла в Манилу и попала под опеку США.

В Центральном архиве ФСБ России хранится ряд уникальных документов, подготовленных на основе сообщений закордонной агентуры ИНО ОГПУ и советского полпредства во Франции, в которых содержатся сведения о переговорах по возвращению бизертской эскадры и флотилии Старка, данные о состоянии российских боевых кораблей и коммерческих судов, оказавшихся за границей. В статье использованы рассекреченные документы Центрального архива ФСБ России.

Литература

[1] *Христофоров В. С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю.* Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне: Исторические очерки и архивные документы. М., 2010. С. 35.

[2] Три века российского флота. СПб., 1996. Т. 2. С. 189.

[3] ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 378. Л. 1.

[4] Москва и судьбы российского флота: Архивные документы и исторические очерки. Книга-альбом. М., 1996. С. 244.

[5] ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 439. Л. 18.

Русская эскадра в Бизерте: малоизвестные страницы истории

3 (16) ноября 1920 г. корабли и суда Черноморского флота, вышедшие из портов Крыма, сосредоточились на Константинопольском рейде. Начался один из самых драматических эпизодов истории русского флота – пребывание его на чужбине. Приказом командующего флотом № 11 от 21 ноября 1920 г. Черноморский флот переименовывался в Русскую эскадру. О последних годах существования оперативного соединения кораблей под Андреевским флагом в североафриканском порту Бизерта за последние два десятилетия написано немало. Напомним читателям, что после признания Францией Советской России дальнейшее существование эскадры стало невозможным. 30 октября 1924 г. Андреевские флаги на кораблях были спущены.

Советское правительство очень надеялось увеличить мощь Рабоче-Крестьянского Красного Флота за счет кораблей бывшей Русской эскадры. Требования вернуть корабли начали выдвигаться с августа 1921 г., однако в тот момент юридического обоснования у подобных претензий не имелось. Уже в октябре 1924 г. «Морской сборник», издававшийся в Москве, писал: «Мы не можем сомневаться, что возвращение судов – вопрос ближайшего будущего, так как по самому существу вопроса судьба эскадры ни в коей мере не может быть предметом будущих переговоров, тем более в плоскости экономической. Возвращение судов есть первый шаг, вытекающий из логики вещей, логики момента, из самой сущности факта признания де юре. <…>

Мы не знаем их (кораблей эскадры. – *Примеч. авт.*) действительного технического состояния, но, судя по имеемым точным данным, большинство из судов было приведено в состояние долговременного хранения, побывало в доках и имело ремонт механизмов. И хотя развал личного состава эскадры вначале сопровождался хищениями и попытками распродажи судового имущества и инвентаря, однако нужно думать, наличие некоторой организации на эскадре (появившейся вскоре после прихода в Бизерту) не дало развиться этому явлению.

Во всяком случае долгие годы бесхозяйного существования не могли не отразиться на материальной части судов. С этим придется считаться. Но в длинной череде трудов, намеченных законным хозяином (разрядка в оригинале. – *Примеч. авт.*), в деле восстановления морской мощи Республики рабочих и крестьян найдутся место, силы и средства для приведения в должный боевой вид и этой части достояния народа и Красного Флота»[1].

Как видим, представители Красного Флота имели весьма достоверную информацию о жизни эскадры и даже признавали наличие на ней «некоторой организации». Скорее всего, такую осведомленность можно связать и с определенной разведывательной работой, и с тем, что в этот период существовала еще относительно свободная почтовая связь с заграницей.

20 декабря 1924 г. командование Советского флота назначило М.В. Викторова «начальником отряда судов Черноморского флота, находящихся в Бизерте, с оставлением его в должности начальника гидрографического управления», комиссаром отряда был назначен А. А. Мартынов. Для буксировки кораблей в Одессе сформировали отряд в составе ледокола «С. Макаров» и ледореза «Федор Литке».

В конце 1924 г. из Парижа в Бизерту прибыла техническая комиссия из Москвы. В ее состав входили брат адмирала М.А. Беренса Е.А. Беренс – военно-морской атташе в Англии и Франции (капитан 1-го ранга Императорского флота), выдающийся русский кораблестроитель А.Н. Крылов, инженеры А.А. Иконников, П.Ю. Орас и Ведерников.

Члены комиссии первоначально опасались, что корабли эскадры могут быть заминированы. Однако еще в июле 1924 г. бывший военно-морской агент в Париже В.И. Дмитриев сообщил Е.А. Беренсу: «Я вполне понимаю необходимость безболезненного разрешения Бизертского вопроса и разделяю

Ваш взгляд на возможность двух выходов – личному составу остаться на своих кораблях или мирно уйти, сделавшись беженцами. Я не допускаю возможности третьего, т. е. попытки уничтожить суда, – слишком она нелепа и бессмысленна. Мне лично кажется, что за исключением отдельных лиц – все уйдут с кораблей».

После приезда комиссии в Бизерту французские власти подтвердили слова Дмитриева, заявив: «Адмирал Беренс дал честное слово, что никто из его состава ничего не сделал, а ему мы верим как честному человеку». Отношение французских морских властей к членам советской комиссии в целом казалось довольно доброжелательным. Однако французы очень опасались какой-либо большевистской пропаганды со стороны прибывших из СССР и все предполагаемые работы по подготовке кораблей к переходу в советские порты желали осуществлять лишь собственными силами (разумеется, на платной основе). С еще оставшимися в Бизерте чинами Русской эскадры советские моряки и инженеры никаких контактов не имели, да и французы старались оградить их от таковых. Более того, командующий эскадрой адмирал М.А. Беренс на все время пребывания комиссии в Бизерте (с 28 декабря 1924 г. по 6 января 1925 г.) покинул город, не желая компрометировать родного брата, которому предстояло возвращаться в страну, где свирепствовал чекистский террор.

Осмотр кораблей и судов показал, что большая их часть была подготовлена экипажами к долговременному хранению. Но в целом состояние кораблей оставляло желать лучшего. Е.А. Беренс писал: «Впечатление от поверхностного осмотра довольно пессимистичное. Суда в отношении их внешности все в ужасном виде, все, что может заржаветь и быть легко попорчено, – проржавело и поломано, во внутренних помещениях – в общем, то же самое, что же касается корпусов и механизмов, то тут судить трудно, после такого беглого осмотра. Затем заметна разница в состоянии, в особенности мелких судов: три “Новика” в приличном виде и даже с исправной артиллерией и аппаратами, другие же два и строившийся “Цериго” – плохи, и их придется капитально ремонтировать. Линкор, за исключением верхних надстроек и шлюпок, видимо, хорош, артиллерия в башнях закрыта после смазки, и французы говорят, что из пушек можно стрелять хоть сейчас; в каком виде трубопроводы и вообще проводки на судах, сказать трудно, они требуют более тщательного осмотра, на который у нас нет ни людей, ни средств». На некоторых кораблях обнаружились даже экземпляры журнала «Красный флот», присылавшиеся из Советской России в обмен на бизертинский «Морской сборник».

О том, что, несмотря на неприятие советской власти, большинство моряков эскадры не только не было склонно уничтожать корабли, а с определенным пониманием отнеслось к тому, что они вновь попадут в Россию, свидетельствовала записка бывшего командира эсминца «Цериго» с перечнем книг и корабельной документации, адресованная «первому красному командиру «Цериго». Комиссия работала в Бизерте с 28 декабря 1924 г. по 6 января 1925 г.

Члены комиссии составили перечень кораблей, намечавшихся для возвращения в СССР: линкор «Генерал Алексеев», крейсер «Генерал Корнилов», 6 эсминцев типа «Новик» и 4 подводные лодки. Остальные корабли и суда, находившиеся в ветхом состоянии, решили продать на слом.

Однако идея передачи кораблей советской стороне не встретила поддержки французского сената и общественности, усматривавших в этом факте «угрозу французским колониальным владениям от общих замыслов Советского правительства». Также против передачи эскадры выступили и многие государства (прежде всего прибалтийские и причерномор-

ские), не желавшие усиления Красного флота. Их активно поддерживала и «владычица морей» Великобритания. Острая дискуссия по вопросу возвращения кораблей развернулась и в Лиге Наций.

Кроме того, конструктивному решению вопроса мешали и взаимные претензии СССР и Франции по возмещению долгов Российской империи и ущерба от интервенции. Решение вопроса затянулось, но первые годы советская сторона все еще надеялась усилить флот с помощью кораблей бывшей Русской эскадры. Так, в сводке сведений о составе сил Рабоче-Крестьянского Красного Флота на 1 апреля 1926 г указывалось: «Особенно реально встает вопрос о необходимости скорейшего возвращения Бизертской эскадры, техническое состояние которой позволяет рассчитывать на возможность введения кораблей в строй путем их ремонта, стоимость которого является значительно меньшей по сравнению со стоимостью новых кораблей»[2]. К концу 1920-х гг. ситуация окончательно зашла в тупик; состояние кораблей, продолжавших стоять на якоре без экипажей, становилось все более и более плачевным. В итоге в 1930–1936 гг. оставшиеся у Франции русские корабли пошли на слом…

Попыткам возвращения кораблей Русской эскадры посвящены две серьезные публикации известного историка флота кандидата исторических наук Н.Ю. Березовского (1949–1996).

Обе они подготовлены на основе материалов Российского государственного военного архива (РГВА)[3].

Публикуемые ниже документы из Центрального архива ФСБ России интересны тем, что показывают взгляд органов государственной безопасности на проблему возвращения кораблей, а также освещают позицию иностранных держав, недовольных возможным усилением Красного флота с вводом в строй кораблей Русской эскадры. В письме неустановленного лица (члена технической комиссии по возвращению кораблей, сотрудника ОГПУ) рассказывается о работе комиссии и об отношении представителей французских властей к ее деятельности. В агентурном донесении говорится о слежке, которая велась представителями спецслужб Франции за членами комиссии. Рапорт генерал-майора С.Н. Потоцкого, копия которого была получена агентурным путем, посвящен отношению Швеции к возможному усилению РККФ. Два других документа показывают взгляд на эту проблему правительств Финляндии и Румынии.

№ 1

Письмо неустановленного лица к неустановленному адресату, посвященное пребыванию в Бизерте советской технической комиссии

11 января 1925 г. Париж

Дорогой товарищ,

1) 8 января вернулась наша комиссия из Бизерты, где она произвела осмотр всех судов.

Результаты осмотра следующие:

а) Ни один корабль не может идти собственными средствами, так что возможна лишь их перевозка на буксире.

б) Признаны годными для дальнейшей службы: линкор «[Генерал] Алексеев»[4], крейсер «[Генерал] Корнилов»[5], 6 эсминцев («Новиков»)[6] и 4 подводных лодки[7].

в) Броненосец «Георгий Победоносец» (который теперь является казармой для белых), крейсер «Алмаз», учебное судно «Моряк»[8] и 4 старых миноносца[9] признаны негодными к дальнейшей службе и подлежащими продаже на слом. Стоимость лома приблизительно

равна: «Георгий» – 25 тысяч фунтов стерлингов, «Алмаз» – 8–9 тысяч фунтов стерлингов, «Моряк» – 500 фунтов стерлингов и миноносцы по 700 фунтов каждый[10].

г) Для приведения кораблей в состояние, при котором можно их буксировать от Бизерты до порта в Черном море, необходимо произвести на них специальный ремонт, который сделал бы их способными к плаванию в открытом море. На этот ремонт потребуется около 50 тысяч золотых рублей денег и около трех месяцев времени. Малые суда могут быть готовы к выходу значительно ранее. Для исправления рулевого устройства линкора последний придется отвести в один из французских портов, так как порт Бизертский не в силах справиться с этой задачей. Остальной ремонт линкора, а также и ремонт малых судов берется произвести бизертская фирма «Вернис». Расчеты денег и сроков даются приблизительно, так как точное исчисление требует более детального осмотра и более длительной работы специалистов, чем та, которую могла произвести наша комиссия в Бизерте.

д) Стоимость линкора и 6 «Новиков» (наиболее ценная часть флотилии) оценена профессором Крыловым приблизительно: линкоры – 35 миллионов рублей золотом, 6 эсминцев – 15 миллионов рублей золотом. Для приведения этих судов в полную боевую готовность (это уже работа наших советских портов) потребуется от 10 до 15 миллионов золотых рублей.

е) Имеющаяся на судах артиллерия[11] находится, насколько о том позволяет судить беглый осмотр, в более или менее удовлетворительном состоянии. Что касается боевых припасов, то вопрос о них здесь, на месте, стал в иной плоскости, чем это представлялось в Москве. Дело в том, что снаряды, находящиеся в погребах линкора и крейсера, а также на берегу на складе у французов, представляют из себя весьма значительную ценность, равную приблизительно (грубо) 3 миллионам рублей. Директива Генриха Григорьевича[12] – выбросить все эти снаряды в море, чтобы не подвергать опасности взрыва корабли, – ввиду ценности снарядов (особенно 12-дюймовых, которых на линкоре имеется около[13] 100 тыс. штук[14]), вызывает необходимость поставить вторично вопрос об окончательной судьбе столь ценного артиллерийского имущества. Сама комиссия, без постановки этого вопроса на разрешение Москвы, не решается уничтожить имеющиеся на судах снаряды. Вопрос о снарядах может быть разрешен следующим образом:

или оставить их в погребах линкора и крейсера, произведя предварительно тщательную ревизию самих кораблей и их погребов с целью установления степени безопасности хранения на них боеприпасов, а также обследовав и сами снаряды – с целью установления степени их безопасности для перевозки, причем под понятием безопасности надо разуметь как безопасность с точки зрения чисто технической, так и с точки зрения специфической (отсутствие на кораблях и в погребах установленных белыми адских машин, закладки пироксилиновых шашек со включением их запалов в электрическую проводку кораблей и т. п.);

или очистить все корабли от боевых запасов, перегрузив последние на специально назначенное для их перевозки судно.

Вторая комбинация потребует для своего осуществления значительных расходов на перегрузку и упаковку снарядов, причем эти расходы могут превзойти саму стоимость снарядов. Это тем более вероятно, что французы едва ли согласятся допустить в Бизерту значительное количество нашего экипажа, а в таком случае всю работу по перегрузке и упаковке снарядов придется производить наемным трудом французов.

Во всяком случае необходимо выяснить в Морведе – какую ценность имеют для последнего находящиеся в Бизерте снаряды и что он с ними предполагает делать, принимая во внимание, с одной стороны, необходимость принятия исчерпывающих мер для безопас-

ности перехода Бизертской флотилии, а с другой – необходимость затраты значительных средств на перевозку снарядов в случае эвакуации их с кораблей.

Если Морвед склонен сохранить эти снаряды, пусть он примет один из предложенных мною двух вариантов и сообщит свое решение комиссии. В случае оставления снарядов на кораблях Морвед должен дать исчерпывающие инструкции посылаемым им для приемки артиллерийского имущества ответственным спецам, касающиеся сортировки этого имущества, его хранения и вообще принятия мер для безопасности перевозки снарядов на кораблях.

ж) Общее состояние судов в смысле их безопасности от пожаров, взрывов и прочих случайностей таково.

Суда расположены в трех местах:

а) группа, состоящая из линкора и крейсера, находится на рейде Бизертской бухты, далеко от берега;

б) группа, состоящая из[15] миноносцев, «Алмаза», «Моряка» и четырех подводных лодок, – у самого берега, в нескольких километрах от первой группы, рядом с французскими судами;

в) совершенно отдельно стоит у берега, у самой окраины города Бизерты, «Георгий Победоносец».

Суда первых двух групп охраняются французскими матросами, под надзором «метров» (соответствующих бывшим нашим подпрапорщикам). Общий надзор за этими группами возложен на отдельных французских морских офицеров.

«Георгий Победоносец» находится в полном распоряжении белых.

«Алексеев», «Корнилов», «Новики», да, можно сказать, все суда, завалены различным хламом, среди которого, однако, имеется и ценное имущество (запасные части артиллерии, пулеметы со станками к ним, некоторые измерительные приборы, правда, требующие ремонта, винтовки русские и иностранные, тросы и т. п.). Повсюду масса грязи и сора. Большинство кораблей, можно сказать, загажены.

В пожарном отношении весь этот хлам представляет несомненную опасность.

Порохов ни на одном судне не имеется – так заявили французы. Осмотреть все корабли, в отсеках которых кое-где может заваляться порох и другие взрывчатые вещества, не представляется возможным без предварительного разбора имеющегося на корабле хлама.

Снаряды имеются лишь на «Алексееве» (линкоре) и «Корнилове» (крейсере). Если на «Алексееве» они приведены в некоторый порядок (относительный, конечно), учтены, а погреба, в которых находятся эти снаряды, закрыты, и ключи от них находятся на «одной связке», если не у одного французского матроса, то на «Корнилове» хранение снарядов находится в безобразном состоянии: погреба раскрыты, и никто из французов ничего не знает, никто не знает, что в этих погребах и сколько чего в них находится.

В одном из погребов мы обнаружили рассыпанные по полу винтовочные патроны, что представляет прямую опасность в пожарном отношении.

Когда мы заявили о всех этих непорядках французам, то они сначала обещали принять соответствующие меры к устранению некоторых из них (закрыть крышки погребов, почистить самые погреба), но вскоре на практике отказались от обещания ввиду невозможности без производства предварительного ремонта осуществить обещанное мероприятие.

На последнем совместном совещании с французами мы все-таки внесли свои пожелания (вносить требования как комиссия чисто техническая, в задачу которой входит лишь осмотр судов и определение их годности к дальнейшей службе, мы «не имели права») относительно улучшения состояния судов в смысле их безопасности, что и было занесено в протокол заседания. Но, разумеется, эти оговорки мало могут изменить фактическое состояние судов, которое, в сущности говоря, находится в полной воле французов и всяких случайно-

стей. И если французам представится выгодным в один прекрасный момент пустить наши суда ко дну, то они спокойно могут это сделать, сославшись на какую-нибудь случайность.

Единственный выход из положения, единственная гарантия безопасности наших судов – это скорейшее получение судов в наши руки, посадка на них наших людей, чистка судов от «всякой скверны» и последующее их хорошее содержание и охрана.

Если французы затянут дело с передачей нам флотилии, то можно было бы рекомендовать в качества паллиатива, гарантирующего безопасность наших судов, посылку французам особой ноты с возложением на них ответственности за состояние и безопасность судов этой флотилии. Но это дело высокой политики.

з) По приезде в Париж узнал от Унылова, что разрешение вопроса о передаче флотилии, по-видимому, откладывается французами на неопределенный срок. Об этом свидетельствует сообщение наших источников относительно давления на французов со стороны румын, а также о том же говорит[16] неблагоприятный исход домогательств нашего Полпредства перед французским Мининделом об ускорении дела с передачей нам флотилии. Дело в том, что по поручению тов. Красина[17] т. Волин[18] на другой[19] день [после] нашего отъезда из Бизерты был с визитом в Мининделе у Лароша – начальника политического отдела МИД[20], который на просьбу Волина начать переговоры о передаче нам флотилии ввиду возвращения из Бизерты нашей комиссии и окончания ею осмотра наших судов ответил, что, во-первых, он еще не читал доклада Морского министерства, а во-вторых, вопрос о передаче флотилии ввиду его сложности будет передан на предварительное рассмотрение специальной юридической комиссии. Этот ответ ясно показывает, что французы будут затягивать дело с передачей нам флотилии.

и) Наше пребывание в Бизерте прошло чрезвычайно гладко, без всяких инцидентов. Со стороны французов мы встречали содействие и официальную любезность. Правда, мы были совершенно изолированы от внешнего мира, нам не разрешили съездить в Тунис, за нами следили, но все это не выходило из обычных рамок. В местной прессе, по французскому обыкновению, писали о нас всякий вздор и небылицы, но ввиду нашего смирного поведения и нашего воздержания от пропаганды мы заслужили в этой же прессе прискорбный эпитет «бон и пезибль буржуа»[21]. По слухам, морской префект Бизерты[22] послал о нас благоприятный рапорт в Париж, что не мешает ему, однако, высказываться против допущения в Бизерту нашей команды.

к) Ввиду оттягивания французами момента передачи нам флотилии наше пребывание в Париже грозит также затянуться на неопределенное время. В связи с этим ожидаю от Вас распоряжений о дальнейшей моей судьбе. Также прошу дать мне ответ на некоторые мои предложения, с которыми я обратился к Вам в своем последнем письме.

Машинопись с пометками от руки. На первой странице документа имеется штамп «Закордонная часть ИНО-ГПУ Вход. № 580/п. 16.1.1925 г…»; на последней странице имеется пометка неустановленного лица от 5 апреля 1929 г.

№ 2

Агентурное донесение из Парижа Иностранного отдела Закордонной части ОГПУ о работе французской разведки во время пребывания в Бизерте советской комиссии

28 января 1925 г.

Одновременно с комиссией Крылова, ездившей в Бизерту, французской разведкой было послано 6 человек из Парижа для слежки за нашей делегацией. Вместе с этими французами отправились по просьбе французов два польских шпика (фамилия одного из них Кенсик). Разведчикам было поручено следить за тем, не ведет ли наша комиссия пропаганды

в колониях, а главное, не имеет ли наша комиссия связи с кем-либо в Марселе и Бизерте. На днях разведчики вернулись в Париж и представили подробный доклад. Они выдали нашей комиссии полное «свидетельство благонадежности», пропагандой она не занималась и никаких связей нигде не имела.

До приезда нашей комиссии в Бизерту туда были отправлены специально люди из Парижа, для того чтобы привести в возможно более негодное состояние наши эскадры. Это делалось для того, чтобы у «большевиков» пропала всякая охота требовать такой хлам.

Машинопись. Копия. На документе имеются пометки: «Совершенно секретно. 6 экземпляров]. 1 – т.[оварищу] Чичерину, 2 – Менж[инскому] – Ягоде, 3 – «Б», 4 – к делам Бизертского флота».

№ 3

Сопроводительный материал и рапорт генерал-майора С.Н. Потоцкого[23], посвященные отношению Швеции к возможному возвращению СССР кораблей Русской эскадры в Бизерте

4 февраля 1925 г. Копенгаген

При сем прилагается секретный рапорт представителя [Великого] [Князя] Николая Николаевича[24] в Дании генерала Потоцкого, посвященный вопросу об опасениях Швеции

в связи с возникшими слухами о переводе так называемого «врангелевского флота» в Балтийское море.

Действительно, реакционная шведская пресса бьет по этому поводу тревогу, и влиятельная «Свенска Дагбладает» недавно еще выступила с заявлением, что Швеции необходимо присоединиться к протесту других прибалтийских стран против усиления Красного Флота.

Указание на постройку новых судов шведского военного флота нуждается в коррективе: суда эти начаты постройкой давно, и для завершения работ нужно около 5,4 миллионов [шведских крон], каковые и внесены в бюджет Швеции на текущий год вместе с общим ассигнованием на защиту страны.

Машинопись. Копия. На документе имеются пометки: «Совершенно секретно. 13.2.25 г. ИНО ОГПУ № 2471/п от 13.02 из Копенгагена 9.II.25 г. т. Берзину, т. Ь, к делу Бизертского флота».

25 февраля 1925 г. Копенгаген

Вопрос о возможном переводе русских военных судов, находящихся в Бизерте, в Балтийское море чрезвычайно занимает политические круги Швеции. Вся пресса, исключая лишь коммунистические органы, открыто заявляет, что Швеция исторически заинтересована в существовании нынешних прибалтийских республик и что усиление Красного Флота является непосредственной угрозой их существованию.

По шведским данным, Советское правительство не только восстановило прежний состав Балтийской эскадры, но и дополнило ее двумя новыми дредноутами, недавно достроенными в кронштадтских доках. Если суда из Бизерты будут действительно переведены на Север, то большевики окажутся сильнейшей державой в Балтийском море и нынешнее статус-кво будет скоро нарушено.

В парламентских кругах утверждают, что Англия будет всячески препятствовать морскому усилению большевиков в Прибалтике и среди консервативной партии существует сильное стремление к тому, чтобы побудить Швецию выступить открыто и заявить о своей солидарности с Эстонией, Латвией и другими окраинными образованиями, которые в усилении Красного Флота видят прямую для себя угрозу. В то же самое время правые поли-

тические партии считают морской военный конфликт с Россией рано или поздно неизбежным и ведут сильную агитацию за расширение морской строительной программы Швеции. Несмотря на то, что нынешнее социал-демократическое правительство страны является сторонником сокращения вооружений, тем не менее и оно внесло в смету на текущий год свыше пяти с половиной миллионов крон, необходимых для окончания постройки двух торпедных крейсеров, двух подводных лодок и двух моторных торпед, коими в ближайшее время пополнится шведский флот; в то же самое время в настоящий момент разрабатывается серьезно вопрос о создании добровольного флота путем всенародных пожертвований.

Разослано в Париж, Сремски-Карловицы, Белград, Берлин и Гельсингфорс. Машинопись. Копия.

№ 4

Письмо посла Великобритании в Финляндии[28] в Министерство иностранных дел Великобритании об отношении Финляндии к возможному возвращению СССР кораблей Русской эскадры в Бизерте

16 января 1925 г., Гельсингфорс

Сэр,

Мой французский коллега сказал мне, что несколько дней тому назад большевистский представитель довел до сведения финского правительства, что врангелевский флот ни в коем случае не будет препровожден в Балтийское море.

Как Вы знаете, финское общественное мнение всегда склонно беспокоиться по поводу советских морских сил в Финском заливе: таким образом, хотя эти судна не могут являться серьезным фактором для страны, имеющей кое-какие морские силы, это заявление в известной степени успокоит здешнее общественное мнение.

Машинопись. Копия. На документе имеются пометки: «Сов[ершенно] секретно. ИНО ОГПУ № 3278/11 от 27/ II 23/11—25 г. 1) Чичерину, 2) М[27], 3) Менж[инскому] – Ягоде, 4) 7, 5) Ь, 6) к делу Бизертского флота».

№ 5

Справка об отношении Румынии к возможному возвращению СССР кораблей Русской эскадры в Бизерте

15 марта 1925 г.

Румыния предлагает устройство союзнической морской базы в Констанце.

23 февраля румынский посол посетил английского посла в Париже. Целью визита было изложить взгляд румынского правительства на возможность появления Бизертского флота в Черном море. Румынский посол выразил от своего правительства надежду, что если действительно советский флот окажется в Черном море, Англия и Франция организуют черноморскую морскую базу, причем Констанца считается самым подходящим портом для установки базы союзнической эскадры. Английский посол ответил Диаманди[28], что, по его информациям, Бизертский флот находится в таком состоянии, что, во всяком случае

в период времени, который обычно учитывается при постройке планов, он не сможет сыграть опасной роли. Румынский посол настаивал, однако, на том, что уже сам факт реяния Советского флага на черноморских водах весьма неприятен и неудобен как для Румы-

нии, так и для Болгарии и следовало бы ему противопоставить англо-французскую эскадру. Английский посол, обещая доложить об этом своему правительству, выразил мнение, что вряд ли в ближайшее время можно ожидать какого-нибудь союзнического выступления на Черном море.

Машинопись. Копия. На документе имеются пометки: «Сов[ершенно] секретно. Реферировано с английск[ого]. Материал достоверный. ИНО ОГПУ № 5143/п. от 19.111, тов. Берзину, тов. Чичерину, тов. Менж[инскому] – Ягоде, тов. Сталину, тов. Т, тов. Э., тов. Б., к делам, Дзержинскому».

Примечания

[1] Бизертская эскадра // Морской сборник. 1924. № 10.

[2] РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д.106. Л. 12.

[3] Русская эскадра в Бизерте: Документы РГВА о переговорах представителей СССР и Франции о возвращении кораблей Черноморского флота. 1924–1925 гг. // Исторический архив. 1996. № 1. С. 101–127. Трагедия российского флота (новые документы о судьбе Бизертской эскадры) // Гангут. Вып. 21. СПб., 1999. С. 2—15.

[4] Линейный корабль «Генерал Алексеев» – один из трех черноморских дредноутов типа «Императрица Мария». До 16 апреля 1917 г. – «Император Александр III», до 17 октября 1919 г. – «Воля».

[5] Крейсер «Генерал Корнилов», до 25 марта 1907 г. – «Очаков», до 31 марта 1917 г. – «Кагул», до 18 июня 1919 г. – вновь «Очаков».

[6] «Дерзкий», «Гневный», «Беспокойный», «Поспешный», «Пылкий», «Цериго».

[7] «Буревестник», «Тюлень», «Утка», АГ-22.

[8] Баркентина «Моряк» (бывшая «Великая княгиня Ксения Александровна», в 1917 г. переименована в «Свободу») была учебным судном Морского корпуса в Бизерте.

[9] «Капитан Сакен», «Жаркий», «Звонкий», «Зоркий»,

[10] Так в тексте документа. Скорее всего, речь идет о суммах в 5000 и 7000 фунтов стерлингов.

[11] Здесь и далее подчеркивание в оригинале документа.

[12] Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938), с сентября 1923 г. – второй заместитель председателя ОГПУ

[13] «около» вписано от руки.

[14] Цифра, приведенная в документе, не имеет к реальности никакого отношения. Полный боекомплект для одного 12-дюймового орудия состоял из 100 выстрелов, т. е. максимальное количество снарядов данного калибра не могло превышать 1200.

[15] «состоящая из» вписано от руки.

[16] «о том же говорит» вписано от руки.

[17] Красин Леонид Борисович (1870–1926). В 1920–1923 гг. – полпред и торгпред в Великобритании; одновременно нарком внешней торговли. В марте 1921 г. подписал англо-советское торговое соглашение. В 1922 г. – участник международной конференции в Генуе и Гааге. В 1924 г. – полпред во Франции. С 1925 г. – полпред в Великобритании.

[18] Скорее всего, речь идет о Льве Лазаревиче Волине (1887–1926) – руководителе Особой части при Валютном управлении Наркомата финансов в 1923–1926 гг.

[19] Зачеркнуто «в самый», вписано от руки «на другой».

[20] Зачеркнуто «кабинета Эрио», вписано от руки «отдела МИД».

[21] *Фр.* bonne et paisible bourgeois – добрые и мирные буржуа.

[22] С июля 1922 г. эту должность занимал контр-адмирал А. Эксельманс, который в 1925 г был уволен в отставку за то, что (по свидетельству одного из современников) отказался «сдать остатки Русской эскадры… большевикам».

[23] Потоцкий Сергей Николаевич (1883–1954) – русский военный агент в Дании в период Первой мировой войны. В эмиграции проживал там же.

[24] Великий князь Николай Николаевич (младший) (1856–1929). 16 ноября 1924 г. принял общее руководство крупнейшей военной организацией русского зарубежья – Русским общевоинским союзом. Среди белой эмиграции считался претендентом на российский престол как старший по возрасту член династии, хотя сам никаких монархических притязаний не высказывал.

[25] Точная дата отсутствует в оригинале документа.

[26] Эрнест Амелиус Ренни – посол Великобритании в Финляндии в 1921–1930 гг.

[27] Зачеркнуто – «Берзину».

[28] Посол Румынии в России с 1913 г. В 1918 г. был арестован большевиками, но вскоре отпущен.

Судьба судов РОПиТА после окончания Гражданской войны

Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) было основано в 1856 г. по инициативе флигель-адъютанта Н.А. Аркаса и тайного советника Н.А. Новосельского, которые подали в Министерство финансов прошение об учреждении частного пароходства на Черном море. 3 августа был утвержден Устав Общества. Компания изначально пользовалась государственной поддержкой. В свою очередь, пароходы РОПиТа предоставлялись Морскому ведомству в ходе Русско-турецкой (1877–1878) и Первой мировой (1914–1918) войн.

К началу XX века Общество стало одной из ведущих судоходных компаний России. В 1913 г. ему принадлежали 84 парохода, антрацитовый рудник в Донбассе, судостроительный и судоремонтный заводы в Одессе, южная часть Одесско-Кишиневской железной дороги[1].

В период Первой мировой войны объем перевозок РОПиТа резко сократился. Из-за боевых действий суда могли работать только в каботаже в восточной части Черного моря. Морским министерством по военносудовой повинности было привлечено свыше 50 судов Общества, использовавшихся в качестве транспортов, минных заградителей, госпитальных судов и др. Двенадцать из них погибли в результате подрыва на минах и атак германских подводных лодок[2].

Во время Гражданской войны часть пароходов была национализирована большевиками и впоследствии эксплуатировалась под советским флагом, а многие суда РОПиТа входили в состав соединений белого флота на Черном море. Администрация Общества после занятия Одессы частями Красной армии обосновалась в Париже. Уцелевшие после Гражданской войны суда были сосредоточены в Марселе, часть из них пришлось продать за долги. После того как Франция признала Советскую Россию, руководство Общества зарегистрировалось под именем французской судоходной компании «Compagnie russe de navigation et de commerce». В 1925 г. ей принадлежали 11 пароходов, приписанных к Марселю и ходивших под французским флагом, но сохранивших русские названия и укомплектованных в основном русскими экипажами. В следующем году судовой состав увеличился еще на один пароход. Остальные 14 судов были проданы иностранным фирмам (преимущественно на слом) в 1924–1926 гг. Но объем перевозок падал в связи с высокой конкуренцией со стороны иностранных перевозчиков и общим экономическим кризисом. В силу этого администрация РОПиТа была вынуждена постепенно продавать пароходы. Последним в 1932 г. «на иголки» пошел «Евфрат»[3].

После окончания Гражданской войны и постепенного признания СССР Пароход основными европейскими государствами советское правительство предпринимало неоднократные попытки вернуть под свой флаг суда, находящиеся за границей. Это было жизненно необходимо, так как за период Гражданской войны 1917–1922 гг. отечественный торговый флот понес громадные потери – погибло 60 судов, а 326 (около 40 % тоннажа) были уведены за границу[4]. О мерах советского правительства, предпринятых, чтобы вернуть пароходы РОПиТа, информации в работах, посвященных истории морского флота, приведено не было[5]. Это произошло отчасти из-за того, что этой деятельностью занимались спецслужбы и документы об этом были до последнего времени засекречены, способствовал этому и тот факт, что большинство моряков – участников тех событий, были незаконно репрессированы в 1930-е гг.

Интересные подробности о жизни моряков РОПиТа в Марселе, попытках вернуть суда, а также о последующей судьбе служащих Общества, прибывших в Советскую Россию,

содержатся в воспоминаниях Наталии Марьяновны Лакинской (1918–2010) – дочери одного из капитанов, упоминаемых в публикуемых ниже документах, – Марьяна Ивановича Лакинского. «Между тем, стало известно, что мысль о возвращении судов пришла не только морякам, но и представителям советского правительства. Они подали в суд на правление РОПиТа, требуя от него возвращения пароходов в Советский Союз. Моряки также решили подать в суд на РОПиТ, требуя того же. На собрании моряков было выбрано правление, которому поручено было вести переговоры. В правление вошли мой отец, Марьян Иванович Лакинский, друг отца Михаил Минович Горбатов и Гребенюк, имя-отчество которого я забыла, т. к. мало его знала. Начались длительные переговоры с правительством Советского Союза, с адвокатами, проходили собрания моряков и т. п. Встречи происходили, как это принято во Франции, в определенном кафе. Все это длилось довольно долго. Был какой-то донос, в результате которого все члены правления были высланы в Италию. Мама очень переживала, но ее успокоили, сказали, что папа скоро вернется. И действительно, через два дня он вернулся домой. Хлопоты продолжались.

Состоялось два суда – один в Париже по иску советского правительства, другой – в Марселе. В суде в Париже принимал участие Морис Торез как адвокат. Он был генеральным секретарем французской коммунистической партии. Несмотря на все старания, не удалось добиться желаемого. Оба суда разрешились в пользу руководителей РОПиТа. Действовало священное право собственности. Однако, в благодарность за участие, которое моряки приняли в процессе, представители советского правительства предложили желающим морякам возвратиться на Родину. Часть моряков согласилась, часть решила остаться во Франции»[6]. В другой публикации она же отмечала: «Понимая положение своих соотечественников, советское правительство предложило морякам вернуться на Родину, предоставив им бесплатный проезд и документы. Большая часть моряков, особенно тех, кто имел семьи, согласилась на это. В 1926 г. около 80 семей вернулись в Одессу.

Жизнь в Одессе начала налаживаться – был нэп. К сожалению, не всем удалось устроиться по специальности. Многим пришлось уехать из Одессы. Уезжали в Баку, Владивосток, Мурманск – большие портовые города.

В дальнейшем, в 1934–1938 гг., все вернувшиеся на Родину моряки были арестованы»[7]. Не избежал этой участи и отец мемуаристки, первый раз арестованный и осужденный на три года заключения в 1934 г, а второй раз— в 1938-м. Вскоре после ареста капитан М.И. Лакинский погиб в Одесской тюрьме.

Публикуемые документы из Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации посвящены краткой истории российского торгового флота на Черном море в период Первой мировой и Гражданской войн (в том числе судьбам отдельных пароходов и катеров, не принадлежавших РОПиТу), а также попыткам моряков РОПиТа (предпринятых, во многом, под влиянием советских спецслужб) сохранить суда. При публикации сохранены основные стилистические особенности ориги налов. Имена собственные в ряде случаев приведены к исторически сложившемуся варианту написания.

№ 1

Протокол общего собрания чинов судовой администрации пароходов Р.О.П. и Т., стоящих в Марселе

21 июля 1924 г.
Марсель

Собравшихся пятьдесят два человека.

В 3 часа с четвертью собрание открыто под председательством М.И. Лакинского и при секретаре М.И. Оводовском.

Принята повестка дня:

Доклад членов дирекции и текущие дела.

Докладчик Г. Курносов доложил собранию о переговорах с членом дирекции Л.В. Человым по вопросам о существовании Р.О.П. и Т.

После обмена мнениями общее собрание единогласно постановило: «Продолжая верить Русскому обществу пароходства и торговли, в целом и в частности, словам и действиям члена дирекции Леонида Викторовича Челова, принять к сведению заявление его, сделанное через делегатов, что с продажей парохода «Чихачев» больше ни один из пароходов РО.П. и Т. продан не будет.

Продажа хотя бы одного парохода после этого, самим РО.П и Т. или кем-либо из кредиторов последнего, будет считаться служащими началом ликвидации РО.П. и Т, и в этом случае служащие оставляют за собой право для ограждения своих интересов.

[В] 5 часов собрание закончилось.

Машинопись. Имеется пометка «Копия».

№ 2

Докладная записка неустановленного автора[9]

«Увод судов бывшего Русского общества пароходства и торговли и Военно-морского ведомства из Черного моря в иностранные воды и состояние этих судов и экипажа к 1-му января 1925 г…»[10]

7 января 1925 г.
Марсель – Париж

1. Краткая история торгового флота Черного моря К началу войны 1914 г. торговый флот Черного моря состоял из судов: Добровольного флота, Русского общества пароходства и торговли, Российского транспортного и страхового общества, Русско-Дунайского пароходства, Южно-Русского общества, Черноморско-Азовского пароходства, нескольких других более или менее значительных обществ и из судов частных владельцев.

После объявления войны все суда, без исключения, были мобилизованы и перешли в ведение Военно-морского ведомства, которое выделило большую часть судов в Транспортную флотилию и назначило управление всеми транспортами [в лице] адмирала Хоменко[11] с базой в Одессе.

В ведение Военно-морского ведомства вошли также все портовые суда (ледоколы, портовые и буксирные катера, паровые шхуны землечерпательного каравана и суда особого назначения).

Кроме мобилизованных судов Военно-морское ведомство имело свои транспорты, захваченные в день объявления войны у неприятеля в портах Черного моря.

2. Состояние судов Транспортной флотилии до Октябрьской революции 1917 года

Не будучи сведущ в деле управления торговыми судами, адмирал Хоменко вел дело в высшей степени нерационально, отдавая зачастую самые безрассудные распоряжения и приказы. Транспорты гнались бесцельно по Черному морю и привели к тому, что большая часть пароходов нуждалась в более или менее значительном ремонте.

После 17-го октября 1917 г. было образовано Управление водным транспортом, состоящее из «Совета девяти» в Одессе и из советов в остальных главных портах. В Совет вошли моряки торгового флота и люди, так или иначе причастные к торговому мореплаванию. Все управление Транспортной флотилией перешло в эти советы, которые и регулировали правильное и рациональное движение судов и положение команд. Но это продолжалось, к сожалению, недолго, до августа 1918 года, когда власть перешла на Черном море опять к белым, и вот тогда начался полный произвол и развал всего торгового флота Черного моря.

С этого момента и начался постепенный уход судов из Черного моря в иностранные воды.

3. Выход судов из Черного моря в иностранные воды

Белые не имели репутации и твердой власти, открыто соблюдая лишь свой личный интерес, не могли удержать торговый флот от расхищения. Судовладельцы, капитаны или просто белогвардейцы-авантюристы уводили суда в иностранные воды и там продавали за бесценок или покупали товары и привозили в Россию, занимаясь спекуляцией, несмотря на то, что торговый флот не был демобилизован и фактически принадлежал государству. Это был период, когда огромной спекуляцией занимались не только вышесказанные лица, но и люди, стоящие у власти (период 1919–1920 гг).

С этого времени и начался постепенный уход судов из Черного моря, но самый большой массовый уход судов торгового флота был во время эвакуации Одессы весной 1919 г., Новороссийска 17-го марта 1920 г. и великий исход всех судов, годных к плаванию, при эвакуации Крыма [в] октябре 1920 г.

4. Роль экипажа при уводе судов и его настроение

Судовой экипаж сыграл большую роль в уводе судов. Но главную роль в этом, конечно, приняла администрация в лице капитана. Занимаясь спекуляцией и награбив на этом большие деньги, она настолько развратилась, что забыла не только долг и честь, но и свою семью, которую оставила на произвол судьбы. Они думали, что и за границей им можно будет спекулировать и наживать деньги, а оставшись, они боялись потерять награбленное.

Совсем в другом положении была команда, не имея денег, не заинтересованная в уводе судов, большинство ее склонно было остаться в порту (это доказывало то, что почти все матросы и кочегары уехали или стремились уехать в Советскую

Россию). Но организованности не было, сопротивляться нельзя было, и они подчинились тому общему настроению, какое было во время эвакуации.

Правда, среди администрации были люди, склонные остаться, но уйти на берег и оставить судно они не решались, а на судне они составляли такое незначительное количество, что не могли повлиять на ход событий.

5. Роль французов в уводе судов

Если в уводе торгового флота французы не принимали участия, то, что касается военного флота и судов Военноморского ведомства, то в этом они проявили исключительное внимание и содействие. Это и понятно, [так как] военные суда и суда Военно-морского ведомства – не частная собственность, а принадлежат государству и за это имущество можно будет извлечь пользу.

Можно сейчас установить свидетельскими показаниями, что французские миноносцы подходили во время эвакуации к русским судам и приказывали сниматься в море, исполняя приказ Врангеля, [указывая, что] в противном случае они будут пущены на дно. Были и такие случаи: в Керчи, получив приказание от Врангеля сниматься в море, часть команды на «Ледоколе № 1» (теперь «Всадник») отказалась идти, тогда командир дивизиона ледо-

колов капитан 2-го ранга фон Реер явился на судно в сопровождении 20 белогвардейцев и сказал, что все, не желающие идти в море, тут же будут расстреляны[12]. Делал он это, имея поддержку французских орудий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.